

Елена Сахно

Бразилия — страна карнавала и не только

«Пожалуй, ни один самый закрученный сюжет фэнтези не сравнится с неделей, проведенной в Салвадоре (город в Бразилии), если в течение этого времени пройти путь от фавелы до губернаторского дворца, или наоборот. Бразилия раскрепощает, учит, устрашает, радует, смешит, интригует и никогда не прекращает удивлять».

Елена Сахно

Цивилизация

Елена Сахно

**Бразилия – страна
карнавала и не только**

«БХВ-Петербург»

2013

Сахно Е. Г.

Бразилия – страна карнавала и не только / Е. Г. Сахно — «БХВ-Петербург», 2013 — (Цивилизация)

В книге рассказывается об одной из самых необычных стран мира, где свои законы диктует праздник, а повседневность порой напоминает театральное действо, – о Бразилии. В стране хватает и проблем, и сложностей, развивающихся подчас самым неожиданным образом. Обо всем этом увлекательно пишет наша соотечественница, которая не первый год живет в самом сердце Бразилии.

Содержание

Благодарности	6
О фотографе	7
Вместо предисловия	8
Глава 1. В «городских джунглях» Бразилии	10
Кто они – бразильцы?	10
«Общага» по-бразильски	17
Путешествие в «глубинку»	19
Квартира с музыкой	22
«Моя твоя не понимает», или Как сплясать африканский танец?	25
Глава 2. «Культурный калейдоскоп» невероятной повседневности	30
Бизнес, семья и «вайдаде»	30
Моя семья – моя крепость	32
«Вайдаде» – прекрасный грех	34
Язычество и христианство	36
Капоэйра – национальный вид спорта	38
Тирантес – борец за освобождение Бразилии	42
Патриотизм vs идея	44
Лампиан – бандит или герой?	45
Дни независимости государства и штата	49
2 июля – День независимости штата Баия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Сахно

Бразилия – страна карнавала и не только

*... о том, что я видел, я мог бы говорить целый год. Короче, все
здесь не знают, где выход, а мы не знаем, где вход...*

Борис Гребеничиков

© Сахно Е. Г., 2013

© «БХВ-Петербург», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Благодарности

Я хочу выразить благодарность:

- моей маме Галине Владимировне Полтавец;
- моим бразильским друзьям – Жувану Батиста де Жесус (Рико Капозейра), Леандро Батиста Силва;
- а также моей подруге Ирине Валерьевне Юровой, которая помогала мне в подготовке книги к печати.

A autora agradece:

minha mãe Galina Poltavets;

meus amigos brasileiros Juvan Batista de Jesus (Riko Capoeira), Leandro Batista Silva;

minha amiga Irina Iurova.

О фотографе

Тайрини Сеута – журналист, продюсер и фотограф, живет в бразильском городе Салвадор. В 2011 и 2012 годах получила премию Городской футбольной лиги Салвадора за серию фотографий и статей, посвященных развитию спорта в периферийных районах Салвадора и пригородах. Эти работы были опубликованы в газете «МАССА!», которая принадлежит издательской группе «А Тарде». Тайрини Сеута – автор фотографий, иллюстрирующих книгу.

Tairine Ceuta é jornalista, produtora e fotógrafa soteropolitana. Em 2011 e 2012 foi homenageada pela Liga de Futebol Municipal de Salvador resultado do seu trabalho fotográfico e jornalístico, desenvolvido em comunidades carentes na cidade de Salvador e região Metropolitana, veiculado no jornal MASSA! – pertencente ao grupo A Tarde. Tairine Ceuta é autora das fotografias utilizadas para ilustrar este livro.

Вместо предисловия

В этой книге речь пойдет об одной из самых необычных стран мира. О стране, где свои законы диктует праздник, а повседневность, порой, напоминает театральное действо. Это Бразилия.

В нашем представлении Бразилия – страна танцующих мулаток и футбольных виртуозов. Однако ее жаркие земли обладают множеством других поводов для восторга и восхищения. Конечно же, хватает и проблем и сложностей, развивающихся подчас самым неожиданным образом. Но в целом можно согласиться с тем, что это страна вечного праздника. А бывают ли вообще в Бразилии будни? Пожалуй, нечасто. День, не отмеченный в календаре, не связанный с какими-то религиозными или культурными традициями, легко может стать ярким праздником благодаря чьей-нибудь инициативе, а любителей создать новое событие буквально из ничего в Бразилии предостаточно.

При этом сориентироваться в фейерверке сочных красок, безумной музыки, разнородных культурных символов, переплетений вековых традиций и сиюминутных импровизаций бывает непросто. Если гость из Европы захочет отказаться от роли туриста и стать полноправным участником буднично-праздничного действия, перед ним распахнутся двери, ведущие в настоящий «культурный лабиринт», который будет полон загадок. Постепенно, по мере нахождения «отгадок» в самых разных сферах бразильской жизни, вырисовывается многослойный культурный контекст, куда входят и повседневность, и праздники.

Начав собирать информацию о том, что такое «бразилидаде» (brasilidade) – бразильский взгляд на мир, восхищаешься культурным разнообразием, творческим потенциалом, гибкостью и гармоничностью совокупности представлений о жизни, свойственной бразильцам. Именно это создает культурную почву, на которой вырастают самые невероятные цветы творчества, радости, знания и единства.

Один из самых ярких примеров бразильского культурного разнообразия – город Салвадор, полностью он называется: Сан Салвадор да Баия де Тодос ос Сантос (São Salvador da Bahia de Todos os Santos). Находится этот город на 12° 58 16" южной широты и 38° 30 39" западной долготы, примерно на 1000 км ниже линии экватора. Его жителей называют баиянцы (баиянос, baianos) – по названию штата Баия (Bahia), или сотерополитанос (soteropolitanos, русскую версию этого слова, наверное, изобретать не стоит) – по переводу на греческий названия города Сотерóполис (Soterópolis) – город Спасителя. Салвадор был столицей Бразилии с 1549 по 1763 годы. Это один из первых городов, построенных переселенцами в Новом Свете. Теперь он является столицей штата Баия и, как его часто и заслуженно называют, культурной столицей Бразилии.

Современный Салвадор – город, где традиции, искусство и образ жизни народов Европы, Африки, Азии и собственно Южной Америки слились в невероятном калейдоскопе. Его хочется сравнить с огромной творческой лабораторией, где в незримых плавильных тиглях кипят и смешиваются постмодернистские изыски с наследием древних цивилизаций; сказания индейцев и африканцев с философией немцев и французов; утонченный классический балет с неистовой африканской пляской; католический обряд с языческим ритуалом.

Пожалуй, ни один самый закрученный сюжет фэнтези не сравнится с неделей, проведенной в Салвадоре, если в течение этого времени пройти путь от фавелы до губернаторского дворца (или наоборот). Буквально на каждом углу – в соседстве элитных кварталов и скромных улочек, на пересечениях асфальтовых проспектов с замощенными булыжниками мостовыми – внимательного путешественника ждут новые открытия. Бразилия раскрепощает, учит, устрашает, радует, смешит, интригует и никогда не прекращает удивлять.

Даже короткое путешествие в этот мир ярких красок позволяет увидеть жизнь совершенно по-другому, переоценить многое и научиться быть счастливым.

С уважением, Елена Сахно

Глава 1. В «городских джунглях» Бразилии

Кто они – бразильцы?

Моя учеба в Бразилии не ограничивалась изучением грамматических тонкостей португальского языка. Университет (УФБА – Федеральный Университет штата Баия) не слишком загружал нас, иностранцев, уроками. Занятия шли всего два дня в неделю. В день – два академических часа плюс небольшое задание на дом. Словом, свободного времени у нас хватало. Каждый студент заполнял его, как хотел. Профессор-антрополог, счастливая обладательница французского и бельгийского гражданств, писала научную работу; итальянка и немка, одна по профессии тренер по пилатесу, другая – учитель физкультуры, подрабатывали в фитнес-клубах. Даже трудяга-японец расслабился, увлекся капоэйрой (бразильским национальным боевым искусством) и стал меньше времени уделять подготовке к занятиям. Студенты из США предпочитали расслабляться на пляжах – про домашние задания не вспоминали, да и уроки частенько прогуливали.

А я решила познать как можно более полно и глубоко, какова жизнь в Бразилии. Дома я подолгу не сидела. Побывала в самых разных местах, начиная от дворца Рио Бранко (Rio Branco), где заседает Правительство штата Баия, и заканчивая фавелой в Нижнем городе. Познакомилась со множеством интересных людей, выиграла чемпионат штата по бразильским народным танцам в составе квдрильи (фольклорный ансамбль) «Аза Бранка» (Asa Branca), поучаствовала в реорганизации Торговой палаты Бразилия – Россия в штате Баия и в написании бразильской книги о Советском Союзе сталинских времен, рассказала о происхождении русского языка на собрании в Академии культуры, приняла участие в благотворительной акции в фавеле Сабоейро (Saboeiro)... Каждый день приносил новые сюрпризы. Бразильская жизнь раскрывалась передо мной – увлекательная, яркая, непредсказуемая. Реальность превосходила самые смелые фантазии. А информация о том, кто такие бразильцы, потихоньку накапливалась.

Начнем по порядку. В 1500 году на Южноамериканский континент прибыл португальский мореплаватель Педро Алвес Кабрал (Pedro Alves Cabral), первооткрыватель Бразилии. В те времена на территориях, которые сейчас принадлежат бразильскому государству, проживало, по разным данным, от 5 до 6 миллионов индейцев. В наше время коренных жителей в Бразилии насчитывается 800 тысяч, то есть 0,4 % от общего числа граждан. Всего в стране проживает 190 732 694 человека (по данным переписи населения на 2010 год).

Несмотря на эту грустную статистику, нельзя считать индейские племена сгинувшими безвозвратно. В 2002 году вышла книга Гомо Бразилис (Homo Brasilis), где опубликованы результаты исследований генетика Сержио Данило Пена (Sérgio Danilo Pena). Ученый доказывает, что 70 % бразильцев, принадлежащих к европейской расе, имеют индейские и африканские гены. В течение первых столетий колонизации нового континента процесс метисации был очень сильным. Поэтому, шагая по улицам любого бразильского города, можно с уверенностью сказать: индейцы среди нас. Теперь они не носят головные уборы из перьев и не раскрашивают лица. Эти люди одеты в белые рубашки и джинсы – таков бразильский деловой стиль, они учатся в университетах и работают в офисах. И все же генетическая память оказывает существенное влияние на их склад характера.

Южноамериканские индейцы – раса загадочная. О том, какими были культура и образ жизни древних индейских цивилизаций в Бразилии, мы можем только догадываться. К моменту появления европейцев, на современных бразильских территориях обитали племена, находившиеся на разных стадиях развития. Были среди них каннибалы, были общины, сто-

явшие на более высокой ступени культуры, известна народность тапажб (tapajó), обладавшая государственным устройством. До сих пор близ города Сантарэн (Santarém) в штате Парá (Pará) находят керамические вазы и статуэтки, изготовленные индейцами тапажб. Вещи эти сделаны с таким мастерством и изяществом, что спорят с образцами античной греческой керамики. Все же португальцам не пришлось столкнуться с высокоорганизованными сообществами, подобными государствам ацтеков и майя, оказавшим серьезное сопротивление испанским завоевателям в Центральной Америке. Однако это не означает, что таковых на территории Бразилии не существовало. Их расцвет пришелся на более ранние века истории.

В наши дни энтузиасты ищут в амазонской сельве затерянные города индейцев. Существует легенда о скрытых в непроходимых джунглях трех городах: Акаин (Akahim), Акакор (Akakor) и Аканис (Akanis), где по сей день живут представители высокоразвитой индейской культуры, владеющие древними знаниями и обладающие магическими способностями. Обитаемых городов пока не нашли, но в Национальном парке Шингу (Xingu) в штате Амазонас (Amazonas) есть древнее селение Куикугу (Kuhikugu), вызывающее у исследователей множество вопросов. Это идеально круглое, как вычерченное циркулем, каменное городище, резко отличающееся от окрестных джунглей. От центра к окраинам ведут несколько прямых, как лучи, улиц. Жители города сажали полезные растения и разводили рыбу в искусственных водоемах. По одной из версий, обитатели Куикугу погибли от болезней, занесенных европейцами, против которых у индейцев нет иммунитета. Каким образом они могли заразиться, не ясно, так как о контактах европейцев и высокоразвитых туземцев нигде не упоминается. Более вероятной представляется версия, что строители Куикугу покинули город задолго до появления в этих местах португальцев. Возможно, после ухода основателей их селение послужило пристанищем другим индейским племенам.

Другая загадка древней цивилизации – Педра ду Ингá (Pedra do Ingá) в штате Парайба (Paraíba). Это гигантский монолит, одна из сторон которого гладко отесана. Пространство в 24 метра длиной и 4 метра высотой сплошь покрыто вырезанными на камне рисунками и иероглифами. Кто, каким образом и зачем сделал изображения, неизвестно. Тайна иероглифов нераскрыта. Время изготовления наскального искусства определяется от 5 000 до 3 000 лет до нашей эры.

Камни поменьше с рисунками, иероглифами или узорами можно увидеть в штатах Амазонас, Пара и других. В индейских языках есть слово итакоатиара (itacoatiara), означающее «разрисованный камень». Если спросить аборигенов о том, кто разукрасил камни, они ответят, что это были не они сами и даже не их предки. Сделано это было очень давно. А когда? Когда боги и люди жили рядом – таков ответ. Речь идет о более древних цивилизациях, чем майя или ацтеки, обладателях сложных неизвестных нам технологий.

В Бразилии ищут следы атлантов. В штате Баия (Bahia) был обнаружен свой «Стоунхендж» – древний каменный город, названный первооткрывателями Ингрежил (Ingrejil). Здесь гигантские овальные и конические валуны воткнуты в землю ровными рядами, установлен каменный «стол» – огромный плоский камень на вершине другого; стоит непонятного назначения конструкция – длинный овальный монолит, уложенный на три относительно небольших камня, и, наконец, символ затерянного города – три плоские круглые каменные «тарелки» разного размера, напоминающие диски в пирамидке. Они поставлены на ребро и вкопаны в землю одна за другой. Ингрежил находится на той же широте, что и священный город перуанских индейцев Мачу Пикчу.

По мнению исследователей, Южноамериканский континент был заселен 12 тысяч лет назад. Есть археологические раскопки, подтверждающие присутствие человека на бразильских землях 50 тысяч лет назад. Люди и боги (атланты и т. п.) жили бок о бок. Куда исчезли представители загадочных цивилизаций? Невозможно представить, что какая-то катастрофа унесла

их жизни. Почему тогда менее приспособленные к испытаниям индейцы, стоявшие на низшей ступени развития, благополучно выжили?

Если бы масштабная трагедия случилась в «городе богов», это нашло бы отражение в индейских легендах, а в них ни о чем подобном не сказано. Строители каменных городов и авторы наскальных гравировок пропали, как по волшебству. Может быть, они – прародители индейцев, которые непостижимым образом потеряли знания предков и стали считать их богами? Как бы то ни было, живя в соседстве с древними цивилизациями, индейцы должны были чему-то у них научиться. Возможно, эти знания легли в основу индейской магии.

Вообще, об уцелевших индейцах в Бразилии знают на удивление мало. Живут коренные обитатели континента обособленно, в контакт с «бледнолицыми» без необходимости не вступают, к культуре своей приобщать не стремятся. Каким видит мир индеец, как представляет себя и свой жизненный путь – сложно сказать. Известно, что индейцы ничего не запрещают своим детям. «Ребенок – хозяин мира», – говорят бразильцы, побывавшие в индейской деревне. Малыши могут бегать где угодно, играть с чем угодно, есть, сколько хотят. Никто не мешает им познавать мир на своем опыте. Играя в коллективные игры, индейские дети не стремятся стать лучшими и не расстраиваются, если что-то не получается. Результат стараются разделить поровну, важнее общее участие, чем чей-то личный выигрыш или проигрыш. Помощь старшим тоже приобретает черты игры, никого не принуждают.

Говорят, что индейцы не выделяют себя из окружающей природы. Но ведь у них есть местоимение «я», есть индивидуальные имена, стало быть, есть представление о том, что такое личность. Как эта личность умудряется обходиться без противопоставлений «я – они», «я – окружающий мир» трудно представить.

Индейцы обожествляют солнце, чтят луну, поклоняются духам предков. Дневное светило – царь, бог, отец. В мифах у солнца может быть дом, жена, сыновья. Оно может спускаться на землю и общаться с людьми. В одной из легенд говорится, что луна появилась на небе после того, как из племени сбежал нарушитель законов, спрятался на высоком дереве. Он пропал для мира живущих и оказался в мире потустороннем. Круглое лицо хулигана превратилось в круглое светило. В других мифах луна – сестра-супруга солнца.

Солнце может обретать женские черты и называться «мать живых» – Гуараси (Guarasy), то есть источник жизни людей и животных, а луна – «мать растений» Жаси (Jasy). Согласно индейской логике, ничего не появляется на свет без матери. Женская сущность как источник происхождения есть у всего – существует «мать леса», «мать дождя», «мать огня» и т. д. Во время эпидемии желтой лихорадки «мать» придумали и для болезни! Таким образом, вся природа наполнена семейными отношениями, сравнимыми с человеческими.

В мифах амазонских индейцев встречаются рассказы о Баира (Baíra) – учителе, который открыл людям тайны природы, научил делать луки и стрелы и охотиться с этим оружием. Иногда о Баира говорят как о боге, сотворившем для нас луну и солнце. В последнем утверждении могущество мудреца явно преувеличено. И все же мифы дают основания думать, что был некий представитель древней цивилизации, помогавший аборигенам (или новопришедшим в Южную Америку индейцам) устроиться в окружающем мире.

Один из индейских языков – тукану (tucano) – лингвисты сравнивают с древнегреческим по структурному богатству. Например, в нем 12 форм прошедшего времени глагола. Зачем охотникам и собирателям такой гибкий и полный оттенков язык? Какие события из прошлого индейцы с такой дотошностью объясняли друг другу? В наше время на эти вопросы ответить невозможно. Без сомнения, индейцы – обладатели особого взгляда на мир, совершенно непохожего на наш с вами. И бразильцы в силу того, что они – потомки индейцев, обладают частичкой этого мировоззрения, может быть, даже не частичкой, а немалой частью. Из этого, наверное, вытекает своеобразное представление бразильцев о времени и другие характерные черты, о которых речь пойдет позже.

Говоря о происхождении бразильской нации, нельзя отрицать вклад африканцев в ее создание. Бразилец с голубыми глазами и прямыми волосами может оказаться носителем большего числа генов африканской расы, нежели европейской, просто они находятся в латентном состоянии. Наследие Черного континента может не отразиться на внешности, и все же оно обязательно сыграет свою роль в формировании характера.

К сожалению, российскими и зарубежными СМИ в наше время создан негативный образ Африки и африканцев. Со словом «Африка» ассоциируется выжженная земля, голодные дети, агрессивные и неприспособленные к жизни мигранты в европейских городах, жители гетто в США. Бразильский Салвадор – пожалуй, первый город в мире, который взял на себя инициативу преодоления такого представления о Черном континенте и его жителях. В столице штата Баия существует несколько центров изучения африканской истории и культуры, открыты курсы языка йоруба, крупные африканские страны – Ангола, Нигерия, Бенин имеют здесь свои культурные представительства, где есть музеи национального искусства, организуются праздники и тематические вечера.

Я побывала на нескольких уроках йоруба, проходивших в нашем университете. Преподавал нигериец, одетый согласно традициям своей страны. На нем была длинная, прямого покроя рубаша навыпуск, узкие штаны и шляпа цилиндрической формы без полей. Все это было сшито из тонкой материи песочного цвета, покрытой геометрическими узорами.

Язык йоруба почти сплошь состоит из гласных. Некоторые существительные короткие – один-два слога, но в процессе словообразования они так обрастают приставками и суффиксами, что одно слово несет смысловую нагрузку целой фразы. На йоруба невозможно говорить быстро. Просто поперхнешься при попытке произнести в спешке два длинных слова подряд. Общение может проходить только в ритме неспешной беседы.

Йоруба среди других африканских наречий оказал самое большое влияние на бразильскую культуру. Это язык религиозного культа кандомблэ, язык песен, заклинаний и легенд. Недаром некоторые интонации нашего учителя показались мне знакомыми, похожими на те, что звучат в разговорах людей на улице.

В йоруба интересная форма прошедшего времени: по моему субъективному мнению, они говорят о прошлом так, как если бы оно все еще происходило, но при этом находилось «внутри» настоящего. Получается, что время движется и одновременно стоит на месте. Настоящее, будущее и прошлое, зафиксированные в этом языке, можно сравнить с тремя сферами, находящимися одна внутри другой. Человеческий разум собирает их все в единство. Сам человек живет в этих трех сферах одновременно. Мир вокруг него неизменен, уютен и предсказуем.

500 лет назад в этом понятном и любимом мире появились пришельцы – работорговцы. Африканцев выдернули из привычной среды, перевезли на другой континент, заставили жить в совершенно новых условиях, не имеющих ничего общего с их привычными представлениями. При этом никто не задумывался о том, что у рабов есть своя культура. Знания и умения невольников не ценились. Из-за этого широкие культурные пласты были потеряны. Теперь эту информацию пытаются восстановить. В бразильском научном сообществе есть историки, этнографы, антропологи, лингвисты, изучающие культуру и историю Африки до начала эпохи Великих географических открытий, собирающие информацию о сохранившейся, несмотря на рабство, африканской культуре в Бразилии.

Юридически расизма в Бразилии нет. Вне зависимости от цвета кожи и вероисповедания граждане имеют равные права. За расистские высказывания можно получить штраф и даже срок в тюрьме. Но в головах некоторых граждан расизм еще остался. Обусловлен он, в основном, социальными причинами – среди бразильских бедняков больше потомков африканцев. Есть люди, которые своего соотечественника с соответствующим цветом кожи заранее «подозревают» в том, что он беден и имеет низкий уровень образования. Многие метисы, особенно

молодые, выпрямляют волосы, избегают нахождения на солнце, чтобы не стать еще смуглей, стараются одеваться «по-европейски» или «по-североамерикански».

Несмотря на это, афро-бразильская культура всегда играла значительную роль в жизни страны. А в последние два десятилетия в Баие, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу идет целенаправленное «воскрешение» африканской культуры и поддержка бразильских видов искусства, имеющих африканские корни. С телеэкрана говорят о том, что стесняться своего происхождения и отвергать часть своей истории – недостаток уважения к себе. Информация об Африке, африканских переселенцах в Бразилии – их верованиях, музыке, песнях, мифах и легендах, обрядах и традициях – находится «в открытом доступе», то есть нет недостатка ни в фольклорных праздниках, предназначенных для детей и взрослых, ни в семинарах и конференциях. Университетское подразделение СЕАО (Centro dos Estudos da Africa e Oriente) – центр изучения Африки и Востока находится по соседству от дома, где я снимала квартиру. Во время проведения этим центром Недели Африки двери были открыты для всех желающих. Я попала на беседу с ангольской писательницей, имени ее не могу вспомнить, очень сложное. Выглядела дама эффектно – высокая, в длинном ярко-оранжевом свободного покроя платье, с копной черных курчавых волос. Она рассказала, что в США издано несколько ее романов. Показала свои книги. Анголка говорила о том, как было сложно в Соединенных Штатах (там она пишет докторскую диссертацию) добиться издания этих книг. В своих романах она повествует о жителях ангольских деревень, их непростых судьбах, их размышлениях, надеждах и ожиданиях. Из ее рассказа можно было сделать вывод, что ангольцы склонны к философствованию. Один из символов Анголы называется «мыслитель» – статуэтка пожилого человека, который сидит на корточках, уткнув локти в колени, и о чем-то напряженно думает, закрыв руками уши от постороннего шума.

Затем начался семинар, посвященный африканской кухне: после небольшой вступительной речи можно было попробовать национальные блюда, которые собственноручно приготовил студент-анголец. Еду принесли в больших глиняных горшках, плотно закрытых крышками. Пахло вкусно. Курица с пряностями не обманула моих ожиданий. Были еще зеленая масса из овощей и блюдо, приготовленное из мелко нарезанных куриных потрохов. На сладкое – кусочки мякоти кокоса в сиропе.

Пожив в Салвадоре, я убедилась, что все эти блюда имеют аналог в баиянской кухне. Курица с пряностями – галинья кайпира (*galinha caipira* – буквально, «курица по-деревенски»), масса из овощей и морепродуктов – ватапá (*vatapá*), куриные потроха в соусе – сарапател (*sarapatel*). Сладостей из кокоса – великое множество. Что может говорить более красноречиво о близости бразильской и африканской культур?

Поэтому неудивительно, что представители научной и творческой элиты Салвадора взялись за освобождение имиджа Африки и африканца от негативных черт, которыми его щедро наполнила история. Разумеется, история, написанная европейцами.

Качества африканского характера: эмоциональность, коллективизм, веселость и жизнерадостность в любых испытаниях, фантазия, любовь к искусству, интуиция – найдутся у бразильца любого оттенка кожи.

В современной бразильской культуре африканское, индейское и европейское начала так перемешаны, что невозможно определить, какое превалирует. Можно сказать, что из Европы приходят идеи, а их реализация и смысловое наполнение – бразильские, афро-индейские. Например, Карнавал был привезен португальцами, но кардинально изменился здесь. Теперь его основные приметы – барабанная музыка и украшенные перьями костюмы, что совсем не похоже на Португалию.

Идеи рождаются и в самой Бразилии. Культурное разнообразие – благодатная почва для возникновения нового. В результате смешения барабанных ритмов разных африканских пле-

мен на свет появилась самба – музыка чисто бразильская, ни в одном уголке мира нет ничего похожего.

В XXI веке в европейских с виду городах Бразилии – в деловых кварталах с небоскребами и фешенебельными торговыми центрами, на старинных узких улочках, где тесным строем, плечом к плечу, стоят двух-трехэтажные дома, совсем как в исторических кварталах Мадрида или Лиссабона, обитает самобытная, непривычная для нас культура. Уклад жизни здесь отличается настолько, что европеец нередко по несколько раз в день задается вопросом: почему так? Иногда ответ удается получить, когда вспоминаешь об индейских и африканских корнях тех, кто сейчас находится рядом.

В частности, это объясняет бразильскую любовь к праздникам и ритуалам. Календарь «красных дней» тут очень обширный и разнообразный. Отмечают даты, пришедшие из разных религий, годовщины исторических событий, изобретают особые «дни», например День детей или День влюбленных, есть даже День самбы. Каждый праздник проходит по своему сценарию, формировавшемуся в течение долгого времени. Иногда «возраст» праздничного ритуала составляет несколько столетий. При этом ход действия всегда тщательно разрабатывается и продумывается организаторами и участниками.

В начале моей бразильской одиссеи я удивлялась тому, с какой серьезностью местные жители, начиная от префекта города и заканчивая соседской домработницей, относятся к праздникам. «Фэста» (festa – праздник) играет не меньшую роль в жизни бразильцев, чем работа или учеба, иногда она даже оттесняет эти более почтенные с нашей точки зрения занятия на второй план. Странно, необычно для нас, европейцев. А если взглянуть на ситуацию глазами представителей древних культур, тогда становится понятно. Для человека, ведущего традиционный образ жизни, вряд ли что-то может быть более важным, чем сезонный праздник, в основе которого лежит ритуал, объединяющий племя, природу и сверхъестественные силы в единый гармонический универсум.

Жители современных бразильских мегаполисов могут не отдавать себе отчета в том, что их жизнь и поныне построена в соответствии с ритмом, заданным предками. Однако к праздникам они готовятся за несколько месяцев, а то и за полгода. Придумывают сценарий события (чем насыщеннее, тем лучше), наполняют его зрелищными моментами, так что оно перерастает в театр под открытым небом, вовлекают тысячи участников, не скупятся на музыку, танцы, костюмы, декорации и спецэффекты. Стоит это все немалых денег. Финансируются праздники не только из местного и федерального бюджетов, но и усилиями участников. Скажем, город может предоставить концертную площадку и охрану. Шоу-программу горожане с удовольствием готовят сами, не жалея ни денег на костюмы, ни времени на репетиции. Профессиональные артисты, получающие гонорар от префектуры, соседствуют с любителями, которые иногда вкладывают последние деньги в подготовку своего номера.

Во время массовых бразильских праздников мало кто остается в стороне, разве что иностранцы, глядящие на все широко раскрытыми глазами. Местные жители так или иначе вовлечены в действо. Если не выступают на сцене, значит, танцуют на площади, приносят подарки Богине моря, проходят ритуал «снятия дурного глаза» у жрецов кандомбле, завязывают «на счастье» ленточки возле ограды церкви Носсо Сеньор ду Бонфим, одеваются в специальную одежду, собирают информацию о традициях этого дня по рассказам бабушек-дедушек или даже в Интернете. Весь город с его светлыми, темными, смуглыми, богатыми, бедными, образованными и полуграмотными жителями становится единым племенем, исполняющим освященный временем ритуал. Таким образом, через участие в праздниках передаются знания о культуре, истории, этике, религии и природе, сплавливается нация, сглаживаются на время социальные противоречия.

Праздники дают людям возможность выйти за рамки своих социальных ролей, проявить те качества своей натуры, которые не находят выхода в повседневности, направить в положи-

тельное русло избыточные энергии, ощутить единство. Самые большие любители городских выступлений – люди среднего и невысокого достатка, которые, буквально, живут от праздника до праздника. Нередко они в силу низкого образования, невозможности получить достаточную квалификацию, не реализованы в профессии и вынуждены работать на низких, малооплачиваемых специальностях, хотя способны на большее. Участие в подготовке праздничного события для этих людей – возможность проявить свою фантазию и талант, применить знания, стать лидерами, почувствовать успех и вкус славы, пусть даже в масштабах своего района. Несмотря на бедность, непрофессиональные танцоры, актеры и музыканты Бразилии – счастливые люди.

Бразильский праздничный календарь разбивает год на примерно равные отрезки времени, придает каждому месяцу свой неповторимый колорит, создает внутри страны особое информационное пространство, объединяет эмоции разных людей и реализует их через участие в разнообразных шоу, ритуалах и уличных танцах и, таким образом, формирует национальный характер.

В музыкальном и визуальном пространствах проявляются афро-индейские аспекты культуры, которые невозможно применить к чему-либо в повседневной деловой жизни современного большого города. Поэтому всевозможные зрелища, маскарады, уличные шествия и ритуалы играют и будут играть важную роль в жизни бразильцев. Позитивное, жизнерадостное начало, которым проникнуты все виды народного искусства в Бразилии, вкупе с творческим потенциалом разных рас, слитым воедино, создают яркий и самобытный культурный пласт, способный не только удивлять и развлекать, но и послужить основой для нового нестандартного осмысления человека, человечества и пути развития цивилизаций.

Итак, бразильцы – потомки индейцев, африканцев и европейцев, артистичный и творческий народ, в полной мере владеющий секретами искусства радоваться жизни.

«Общага» по-бразильски

Университет студентов-иностранцев жильем не обеспечивает. Решать квартирный вопрос приходится самостоятельно. Когда я приехала, секретарша университета порекомендовала мне хозяйку дома, сдающую комнату. На мой взгляд, она запрашивала чересчур дорого: 50 реалов в сутки – стоимость номера в 3-, а в малоллюдный сезон и в 4-звездочном отеле. Зачем платить столько за комнату? Только из-за того, что в элитном районе Рио Вермелью (Rio Vermelho) и близко от нашего корпуса? Я переплачивать за место не стала и перебралась в студенческую поужаду в районе Барра (Barra). Это опять-таки туристический район, что соответствующим образом влияет на цены. Здесь я жила в 10 минутах от пляжа возле знаменитого маяка Фарол да Барра (Farol da Barra).

Набережная Барра очень красива. Это три маленькие подковообразные бухточки, разделенные небольшими мысами. На одном из них – знаменитый маяк, в здании которого сейчас расположен военно-морской музей, на других – форты Святой Марии и Святого Диого. Набережная широкая, чистая и обжитая. По вечерам здесь гуляют туристы со всех стран.

На Барра очень красивый закат. Две бухточки расположены «лицом» на запад. Около пяти часов вчера светило, меняя свой бледно-желтый цвет на чудесный золотисто-оранжевый, склоняется к морю, окрашивая воду сияющими бликами. Игра ярких закатных красок продолжается до наступления темноты (около семи часов вечера). Море и небо переливаются всеми оттенками: от желтого до малинового и лилового. Разноцветные лучи освещают набережную, делая все вокруг похожим на импрессионистский пейзаж. С моря дует свежий, прохладный ветерок. Хорошо и спокойно.

Несмотря на все эти красоты, с Баррой мне хотелось поскорее распрощаться. Дороговато, и народу много в поужаде. Целая общага набралась в четырехкомнатной квартире обычного дома. Постояльцы – молодые провинциалы, кто учиться приехал в мегаполис, кто – работать. По вечерам большинство собирается в гостиной болтать и смотреть телевизор.

Хозяйка поужады, тетущка лет пятидесяти с забавным именем Перпетуа (Perpetua) жила вместе с нами. Она была родом из провинциального городка Эуклидес да Кунья (Euclides da Cunha), в юности уехала в Салвадор на заработки и осталась в большом городе. Работала, как наши «челночники» – ездила за дешевым товаром в Парагвай (эта страна – латиноамериканский «Китай», там закупаются недорогими вещами невысокого качества – от одежды и обуви до электроники и бытовой техники) и продавала на рынке. Теперь она зарабатывала тем, что снимала четырехкомнатную квартиру и сдавала жилье внаем – по 2–3 человека в комнате. Уборку в поужаде Перпетуа делала сама. Она собирала у постояльцев одежду в стирку, загружала в машинку, чистые вещи сама гладила и разносила по комнатам. Каким-то образом Перпетуа умудрялась запоминать, какая вещь кому принадлежит. При мне ни разу не ошиблась.

Я быстро устала от того, что в доме слишком много народу. А для бразильцев это естественное состояние. В идеале, в бразильском доме приходится по комнате на человека, еще есть общая гостиная и гостевая комнаты. Но в таких условиях живут далеко не все. Часто большая разветвленная семья (скажем, женатый брат, замужняя сестра, их дети и родители) ютится в относительно небольшом доме или в квартире по два, три человека в комнате, а то и больше. Люди с детства привыкают к скученности, к постоянному присутствию кого-то рядом, и, похоже, не чувствуют потребности побыть в тишине и одиночестве. Дома болтают не переставая, включают телевизор, даже если не интересуются тем, что показывают – лишь бы шумовой фон был. Именно надоевший телевизор, который громко работал до 3 часов утра, послужил главной причиной моих энергичных поисков нового жилья.

Воровства или попыток пользоваться чужим без разрешения в поужаде не было, хотя комнаты нередко оставались открытыми в отсутствие жильцов. Перед тем как принять нового

постояльца, Перпетуа навела справки о его семье, заводила знакомство с родителями, хотя бы заочное – по телефону. Я попала к ней тоже не с улицы, а по рекомендации подруги-бразильянки. Все понимали: натворишь что-нибудь или хотя бы попадешь под подозрение – и папа, и мама будут знать, да еще каким-нибудь общим знакомым сообщат о «темных делишках». Поздние ночные прогулки Перпетуа тоже не поощряла. Сначала «сова», вернувшаяся за полночь, получала выговор в довольно мягкой форме. Если задержки допоздна продолжались, хозяйка докладывала родителям. Когда девушка начинала встречаться с молодым человеком, Перпетуа всегда просила привести его в гости и познакомиться.

К парням она относилась не так строго, хотя и предпочитала знать их подружек. В этом была как немалая доля любопытства, свойственного «кумушкам» в любом уголке Земли, так и обоснованная мера безопасности. Перпетуа сама в 17 лет перебралась в мегаполис из глубинки и знала, каково деревенскому пареньку или девчонке в большом и беспокойном городе. Она старалась оградить постояльцев от людей, которым не доверяла. Если избранник не вызывал симпатии, она говорила девушке прямо, что о нем думает, и убеждала поразмыслить: стоит ли продолжать отношения. Некоторые прислушивались к ее мнению. Были и те, кто не соглашался, вступал в конфликт и выезжал из поузады. Слишком строгая хозяйка? Зато не было среди жильцов ни любителей «травки», ни девушек свободного поведения, ни людей, связанных с криминалом.

Перпетуа блюла добрую славу своего заведения. Жили мы, как большая семья под присмотром доброй, но строгой тетушки. Выпить банку пива в квартире не возбранялось. А вот купить ящик пива и устроить в доме шумную вечеринку – такое никому даже в голову не приходило. Пиво пили на улице, благо баров на Барра хватает.

Самой яркой чертой нашей «тетушки» была глубокая и беззаветная вера в Бога. То, что Господь существует, что Иисус Христос приходил на землю, чтобы принять муки за людские грехи, что душа бессмертна, и после физической кончины мы окажемся в раю, аду или чистилище, она считала азбучными истинами, подвергать малейшему сомнению которые было бы кощунством. Перпетуа получила свое имя в честь одной из католических ипостасей Девы Марии – Nossa Senhora do Perpétuo Socorro, что, примерно, переводится как Наша Владычица Вечная Спасительница. В гостиной висела большая картина, изображающая этот образ Богоматери. Художественный стиль напоминал православную икону, только на картине Сын смотрел не на Мать, а в сторону. Почти каждое утро Перпетуа вставала в шесть часов и к семи шла в церковь на мессу. Она не пропускала ни одного религиозного праздника.

В родных краях Перпетуи есть поверье, что, если в особый день марта совершить паломничество в часовню, которая стоит на горе Монте Санто (Monte Santo – дословно, «Святой холм»), простятся все грехи за год. Поэтому каждый год в марте Перпетуа ездила в свой родной город Эуклидес да Кунья (Euclides da Cunha), навещала отца и мать и совершала восхождение. Монте Санто находится в часе езды на автобусе от Эуклидеса.

Вот и тогда, когда я жила у нее, Перпетуа собралась на свою малую родину. Как на грех, из поузады уехали все жилицы, в девичьей комнате я была одна. Оставлять в доме меня и ребят хозяйке не хотелось. Мальчики все были тихие-мирные, никаких проблем для меня они создать не могли. А соседи что подумают? С мнением окружающих в Бразилии принято считаться. Не отправлять же меня в Россию? Проблема решилась по-бразильски просто: Перпетуа прихватила меня с собой.

Путешествие в «глубинку»

Эуclidес да Кунья только на карте называется городом, а сам по себе он – настоящая деревня, где кур больше, чем людей. Мама Перпетуи – бодрая 80-летняя старушка, живет в просторном деревянном доме вместе с двумя дочерьми, внучатой племянницей, правнуком и кем-то еще (сложно разобраться). У Перпетуи шесть сестер и один брат. Четверо из них живут в родном городке. Я поучаствовала во всех семейных визитах. Естественно, запуталась в том, кто кому кем приходится. Ни за что не запомнишь, если не записывать.

Мне повезло – в тот вечер в Эуclidесе был праздник. Центр селения – это очень маленький старинный город с островерхими церквями, каменными двухэтажными домами и площадью, вымощенной брусчаткой. В свете фонарей он выглядит очень красиво. На площади по периметру стояли палатки, где продавали пиво, кайпириню, выпечку, включая такое типично деревенское лакомство, как бейжу – белый блин из мандиоковой муки с начинкой из гуйабады (джема из плода гуйаба), кокоса, сыра и т. п. Выступали артисты из Салвадора, играли молодежную бразильскую поп-музыку.

На следующий день я, Перпетуа и еще человек пять из ее семейства отправились в Монте Санто. Автобус привез нас в чистенький уютный городок, окруженный скалистыми горами. На вершине одной из них, на высоте 500 метров над уровнем моря, стоит маленькая церковь, построенная первыми переселенцами. Дорога к горному храму круто поднимается вверх. Она выложена крупными камнями. Взбираться по ней нелегко, поэтому для отдыха паломников на пути построены часовенки.

Природа здесь суровая и величественная. Климат в центральных областях штата Баия, как и в других северо-восточных штатах, очень отличается от побережья. Полгода – сухо и жарко, полгода – сезон дождей. В марте еще продолжается засушливый период. Растительности на склонах гор мало, деревья и кусты стоят без листвы. Тонкие сероватые ветви сливаются с облачным небом. Трава жухлая, блеклая, низкая. Обнажены древние скалы, иссеченные ветром утесы. Пространство просматривается далеко во все стороны. И всюду – бесконечные горбатые сопки, как волны застывшего океана. Во всем чувствуется застывшая, дремлющая мощь.

С вершины горы город Монте Санто выглядит маленьким, как набор детских кубиков: красные черепичные крыши, одноэтажные квадратные домики, круглая площадь в центре с зелеными горошинами подстриженных деревьев. (В свою очередь горы выглядят просто огромными, когда смотришь на них из города.)

Низкие плотные серые облака, кажется, плывут на уровне наших лиц. Будто вот-вот зацепят вершины соседних гор. Воздух наверху свежий и прохладный, дует ветер. Возле маленькой белой церкви на горе и на каменной тропе, ведущей к ней, сегодня многолюдно. На вершину поднимаются люди разных возрастов: от глубоких стариков до маленьких детей. Все тихие, серьезные, молчаливые.

Чтобы очиститься от грехов, нужно трижды обойти вокруг горной церкви. Во время этого крестного хода с макушки горы открываются панорамные виды окрестностей на многие километры. Самые дальние сопки кажутся серовато-голубыми, сливаются с небом. Их очертания размыты, словно они просвечивают сквозь какой-то туман. В таком месте волей-неволей задумаешься о быстротечности человеческой жизни и неизмеримом величии Создателя.

Под стать суровой природе и жители глубинных районов северо-востока Бразилии. Их называют сертанежо (sertanejo) от слова «сертан» (sertão) – так зовутся эти регионы. Они более сдержанны, более молчаливы, чем жители побережья океана, производят впечатление людей, углубленных в себя. При этом сертанежо отнюдь не отшельники. Жители глубинки гостеприимны, дружелюбны, умеют танцевать и играть на разных инструментах, любят шутки и весе-

лые компании. В этих краях высоко ценятся смелость и отвага, сертанежо восхищаются храбрцами.

Всего лишь в двух часах езды на автобусе от Эуклидеса находятся руины легендарного поселения Канудос (Canudos), бразильской Вандеи. В последнюю декаду XIX века Канудос был религиозной общиной, куда стекались бедняки со всех окрестных районов. Ее лидером был Антонио Конселейро (Antônio Conselheiro), человек, получивший свое прозвище (конселейро – советник) за то, что хорошо знал Евангелие и давал советы, почерпнутые из священной книги. Это был харизматичный вождь, которого при жизни почитали как святого.

Канудос, вернее Бело Монте (Belo Monte), как его называли сами жители, был своего рода маленьким теократическим государством. Люди там работали сообща, сами пользовались плодами своего труда, с окружающим миром связи почти не имели, об оплате налогов не думали. Когда в стране была свергнута монархия и заявлено отделение церкви от государства, религиозные фанатики из Бело Монте расценили это как пришествие царства Антихриста на землю и в открытую заявили о том, что не признают новую власть.

Антонио Конселейро был объявлен опасным монархистом. Чтобы подавить мятеж, правительство направило в село войска. Сначала это были 100 полицейских под командованием лейтенанта. По пути они попали в засаду, подготовленную жителями вольного селения. Ценой отчаянного мужества плохо вооруженные крестьяне обратили полицейских в бегство. Была выслана вторая и третья военные экспедиции против Канудос. Обе гораздо более многочисленнее, чем первая. Но и они не смогли подчинить мятежников. Тогда сам военный министр подготовил 4-тысячное войско, снабдив его лучшим оружием той эпохи. Вся мощь государства обрушилась на провинциальную деревню, справиться с которой силами штата не удалось. Солдаты окружили Канудос, но взять его не могли. У крестьян было оружие, захваченное в боях с первыми экспедициями. Они сражались с беспримерным мужеством. Наконец, сам военный министр, маршал Карлос Машаду Биттенкурт (Carlos Machado Bittencourt) явился в Баию, чтобы лично командовать операцией. В октябре 1897 года Канудос был захвачен и обращен в руины.

В составе последней военной экспедиции был журналист Эуклидес да Кунья, который под впечатлением от увиденного написал книгу «Сертаны» (Os Sertões), вошедшую в число самых значимых произведений бразильской литературы. Книга подразделяется на три части: «Земля» (описание природы и климата), «Человек» (посвящено жителям сертана) и «Война». «Сертаны» по сей день служит своеобразной энциклопедией жизни северо-восточных, удаленных от океана, регионов Бразилии. В честь писателя был назван, точнее, переименован родной город Перпетуи. Раньше он назывался Кумби (Cumbe).

Жители окрестных городов и деревень гордятся мужеством своих земляков, хранят память о них. Еще бы: провинциальное селение, где проживали и трудились на земле около 25 тысяч человек, осмелилось бросить вызов государству. И продержалось целый год в неравной борьбе. Сам военный министр был вынужден оставить свой кабинет в Рио-де-Жанейро и приехать сюда, воевать с пастухами и землепашцами. Сертанежо по сей день любят подчеркивать свой независимый и храбрый нрав. Слово «валэнче» (valente) – смелый, произносится с легким придыханием восторга.

Любимое развлечение сертанежо – вакейжада (vaquejada). Это соревнование пастухов (vaqueiro), которое по сути представляет собой эпизод их повседневного труда. Несколько всадников скачут вслед за быком. Убегающее животное нужно догнать, схватить за хвост и повалить. На первый взгляд, задача кажется невыполнимой – сбить с ног мчащуюся громадину и при этом самому не вывалиться из седла. Это возможно, только если объединить усилия всадника и коня. Лошадей для вакейжады тренируют несколько лет – учат по команде резко тормозить и двигаться с усилием в обратную сторону, чтобы плененный бык потерял равновесие. Пастух при этом прилагает все силы, чтобы не выпустить хвост пойманного животного.

Можно представить, каково приходится человеку, которого тянут в разные стороны конь и бык! Нужны большая сила и отчаянная храбрость, чтобы заниматься таким видом спорта. Тем не менее, в участниках вакейжады не бывает недостатка.

Самый крупный чемпионат вакейро в штате Баия проходит в городке Серринья (Serrinha) в первую неделю сентября. На эту вакейжаду съезжаются самые известные спортсмены со всей страны. Вечером, после дня соревнований, в Серринье проходит шоу с участием самых популярных певцов и певиц северо-восточных штатов. Всегда кроме звезд поп-музыки в программе есть форрб – танцевальный бразильский кантри и сертанежо (это слово также употребляется для наименования жанра специфической деревенской музыки, где самые важные инструменты – гитара и аккордеон, а, например, барабанов может не быть вовсе). В этом музыкальном направлении большой популярностью пользуется дуэт Виктор и Лео (Victor & Leo) – новое поколение сертанежо, где играют на электрогитарах. Одно время их песня про влюбившегося в соседку паренька из многоквартирного дома звучала из каждого окна в Салвадоре. Эти сертанежо перешли уже на городскую романтику, сохранив напевный и плавный ритм, свойственный бразильской деревенской музыке.

Билеты на вакейжаду в Серринье появляются в продаже за 3–4 месяца и стоят дорого, поскольку дают право не только на просмотр состязаний, но и на вход на вечерние концерты.

Я во время путешествия в глубинку вакейжады не увидела. В городке Эуклидес да Кунья мне довелось только прокатиться на лошади, тренированной для таких соревнований. Это было сильное, красивое и на удивление послушное животное.

Квартира с музыкой

Вернувшись в Салвадор, я продолжила поиски жилья. Лучше всего делать это с помощью бразильских друзей. К сожалению, большинство квартирных хозяев полагают, что все иностранцы – богатые люди, и цену запрашивают соответствующую. Поэтому все переговоры вела не я сама, а кто-либо из моих приятелей. Подходящий вариант нашелся сам собой. Разговорились случайно с молодой преподавательницей школы танцев Изис Карлой (Ísis Carla) (в имени Изис ударение на первое «и», так в Бразилии произносится имя египетской богини Изиды, в честь которой была названа моя подруга), и она сказала, что хочет снять трехкомнатную квартиру в центре города и ищет соседку. Аренду предполагалось оплачивать пополам. Меня сначала насторожили размеры арендуемого помещения. Три комнаты, большая прихожая, она же – гостиная, кухня и так называемый «ареал ду трабальо» (комната, где стирают и сушат одежду). Да, еще балкон. Зачем нам двоим столько? Впрочем, моя часть оплаты была такой же, как я платила в поузаде Перпетуи, а место не в пример спокойнее. Здесь у меня отдельная комната, где можно закрыться и спокойно отдохнуть после наполненного событиями дня.

Поселились мы в исторической части города, в районе Дойс де Жульо (Dois de Julho), в двадцати минутах ходьбы от Пелоуриньо – исторического центра Салвадора. Название Дойс де Жульо, то есть «второе июля», было дано в честь Дня независимости Баии (об этом празднике речь пойдет позже). Наш дом был построен на кромке холма над морем. С балкона открывался великолепный вид на океан. К тому же балкон был достаточно велик, и здесь можно было выпить сока, а при желании и позагорать.

Телевизор у нас в доме был, но, слава Богу, Изис не любила сериалы, развлекательные передачи и тому подобный «шумовой фон». Она включала телевизор только для того, чтобы посмотреть DVD с редким фильмом или музыкой. Я с удовольствием присоединялась к просмотру: ее выбор меня устраивал.

Вообще моя соседка оказалась очень творческим человеком. Она преподавала народные танцы (*danças populares*) – историческое направление бразильских танцев, стоящее особняком от современной карнавальной самбы и афро. Этим танцам будет посвящен отдельный раздел. Кроме того, Изис училась на третьем курсе факультета музыки Федерального Университета штата Баия по специальности «пение». Когда мы съехались, она как раз закончила собирать музыкальную группу. К моей большой и искренней радости, местом репетиций стала наша прихожая-гостиная.

В группе участвовали пять человек. Лукас, аккордеонист, учился на факультете музыки на классического пианиста; Маркос, басист, был студентом того же факультета по специальности «классическая гитара». Двое других музыкантов играли на более экзотических инструментах. Одного из них называли «забумбейро» – от названия большого барабана «забу \$мба» (*zabumba*), второй – перкуSSIONист, играл, стуча палочкой по металлическому треугольнику, или управлялся со стальным станком, на котором были подвешены полые металлические трубочки, привинчены пластмассовые тарелки и еще какие-то штучки, из которых можно извлекать звук.

Группа называлась «Мария Койза» (*Maria Coisa*) по названию песни композитора-классика Луиса Гонзага (*Luiz Gonzaga*). Благодаря этому музыканту в стране обрели популярность северо-восточные народные музыкальные стили: байао (*baía*), шашаду (*chaxado*), форрбó, сертанежо. Под эту музыку танцуют народные бразильские танцы. Изис не только преподавала их в школе, но и принимала участие в исследованиях этого культурного направления, в частности, выезжала в экспедиции в дальние деревни, выступала на семинарах и т. д.

За основу репертуара группы были взяты песни, которые в 1950-е годы исполняла ученица Луиса Гонзага – певица Маринéс (*Marinês*). Такой псевдоним появился в результате быст-

рого произнесения настоящего имени певицы – Мария Инес. Ребята прослушивали старые записи, сами подбирали партии для своих инструментов, придумывали вариации. Я наблюдала весь творческий процесс. Музыканты собирались по вечерам, как раз когда заканчивались мои занятия. Приходя домой, я уже слышала звуки аккордеона и гитары, разносящиеся далеко. Дома я быстренько переодевалась, брала яблоко, пинью (pinha) – сладкий зеленый плод с сочной бледно-желтой мякотью, или стакан сока и усаживалась смотреть и слушать. Ребята на ходу изобретали разные варианты исполнения, улучшали звучание.

Большая часть сертанских песен – веселые, забавные, бытового или любовного содержания. Взять, к примеру, песенку про сеньора Малакияса, которая с 1950-х годов не теряет популярности. В ней говорится о том, что некий сеу Малакияс (сеньор Малакияс) приготовил 5 бочек кушанья из перца. В гости он пригласил, по одной версии, 40, по другой – 70 человек. Среди приглашенных была некая Мария Бента, которая сразу заявила: «Если острое, я есть не буду». «Можешь есть без страха, не острое», – успокоил ее Малакияс. А перец оказался очень жгучим! В качестве припева песни звучат слова возмущенной гостьи:

Ai, ai, ai seu Malaquias
Ai, ai, você disse que não ardia
Ai, ai, tá ardendo pra daná
Ai, ai, tá me dando uma agonia.

(Ай, сеу Малакияс, ты сказал, что не жжется, а он жжется так, что дальше некуда, ай, мне от него плохо!)

Другая нестареющая песня того же стиля «Шóчи дас Менинас» (Xote das Meninas), то есть «танец девушек». В ней поется о сложной семейной ситуации – некая девушка весной перестала есть, спать, учиться... Отец привел ее к врачу, а доктор без всякого осмотра заявил: «Все дело в трудном возрасте этой девушки, от него нет лекарства во всей медицине». Припев:

Ela só quer,
só pensa em namorar.

Она только хочет, только думает о том, чтобы влюбиться.)

Такие песни звучали в нашем доме. Я тоже подпевала. Добродушие, юмор, наблюдательность и вкус к жизни, выражающийся во внимании к каким-то подробностям, деталям, посредством которых передается настроение, очень свойственны сертанским песням. Это своего рода маленькие спектакли. В репертуаре группы есть песня о злключениях деревенской тетки, которая впервые в жизни собралась ехать на поезде, вошла в одну дверь, а в другую вышла, да так и осталась на станции (Trem da Central). Причем мелодия песенки очень приятная, напевная, и в тексте ситуация обыграна так, что невольно видишь мир глазами этой тетеньки, проникаешься к ней сочувствием, но не можешь не улыбнуться.

Кума Себастиана (Sebastiana), которую пригласили плясать на праздник в штате Параиба, а она не умела танцевать; аккордеонист Зе Кашангá, который отказался от гонорара при условии, что хозяин дома найдет другого музыканта, потому что сам он хотел поплясать (песня называется Pisa na Fulô, в дословном переводе – «Наступи на цветок», но исходя из контекста лучше перевести «Шагай по цветам»), и другие – обо всех этих людях сказано в нескольких словах текста песни, но выглядят они очень жизненно.

На мой взгляд, лучшая песня в репертуаре группы – «Бейся, сердце» (Bate coração). Это философское рассуждение о превратностях любви, о том, как трудно любить безответно, будучи неоцененным и непонятым. Несмотря на это, в рефрене поется:

Porque o que se leva dessa vida, coração
É o amor que a gente tem pra dar.

(То, что ценно в этой жизни, сердце <мое>, это любовь, которую ты можешь подарить.)

В сочетании с неспешной, красивой мелодией, грустной и оптимистичной одновременно, песня производит сильное впечатление. Пожалуй, она выражает не только грусть от неразделенной любви, но и бразильский стиль жизни: желание поделиться эмоциями, будь то любовь, радость, наслаждение, восхищение... Даже получать удовольствие от вкусной еды приятнее вместе. Не зря же Малакияс пригласил в гости 40 человек – щедрая душа!

По рекомендации Изис я попала в ансамбль народного танца «Аза Бранка», о чем расскажу в разделе Фестас Жунинас.

Кстати, почему наша, можно сказать, четырехкомнатная квартира сдавалась так дешево – за каких-то 800 реалов, я выяснила в конце мая. В самые влажные месяцы года – май, июнь, июль – с моря где-то в четыре-пять часов утра поднимался сильный туман. Соленая влага пролизывала все, что было в доме. Намного острее чувствовалась предутренняя прохлада. А отсыревшие подушки и матрас за весь день не успевали просохнуть как следует.

Прошло время, я переехала вновь, и на следующий год в этот сезон жила в той же части города, но уже на расстоянии где-то трех улиц от моря. Совсем недалеко от прежнего жилья, но на новом месте перепадов влажности по утрам не ощущалось и вещи не отсыревали.

«Моя твоя не понимает», или Как сплясать африканский танец?

Громко и весело болтая между собой, усталые и довольные уроком, последние ученики покинули танцевальный зал – просторное полуподвальное помещение в бывшем иезуитском монастыре, в котором в наши дни работает школа танцев.

По иронии судьбы, именно в этой школе, лучшей в Салвадоре, наиболее развито направление афро-бразильского этнического танца. А это современный вариант ритуальных плясок языческой религии кандомблэ. В здании, которое возводилось с целью быть оплотом христианства в Новом Свете, теперь обучают танцам, посвященным языческим богам – Омолу́ (Omolú), Иеманжа́ (Yemanjá), Янсá (Iansã), Óшум (Oxum) и другим.

Урок проходит под живую барабанную музыку, магнитофонов учителя африканских танцев не признают. Основу батареи (bateria) – так называется музыкальная группа – составляют трое перкуSSIONистов, играющих на больших и маленьких барабанах. К ним добавляются музыканты, извлекающие звук из колокольчиков агогó (agogô), различных трещоток и «шумелок» (иногда это просто связка высушенных семян какого-нибудь растения), играющие на маленькой гитаре «кавакиньо» (cavaquinho) или на бубне.

Во время некоторых уроков к батарее присоединялся перуанец, музицирующий на гигантской, почти в рост человека, дудке. Густые вибрирующие звуки этого инструмента заставляли, в буквальном смысле, дрожать пол.

Музыка для африканских танцев быстрая, ритмичная, «заводная». Есть, конечно, и медленные плавные композиции, но быстрых гораздо больше. Танцоры входят в раж, и занятия, порой, напоминают массовое камлание. Фактически, в древних стенах монастыря происходит поклонение языческим богам, но никого это не волнует, поскольку в современном Салвадоре язычество и христианство живут мирно. В Бразилии – свобода вероисповедания, и никто не вправе посягать на нее.

Наконец, музыкант Алекс, собиравшийся дольше всех, упаковал барабан в нарядный красно-желто-зеленый чехол и ушел. Настало время для творческой работы. Мы остались в зале: я и учитель танцев Паки́то Ла́заро, которого я «назначила» своим личным хореографом. К моему удивлению, вместо того, чтобы показать мне приготовленную заранее последовательность движений, мой наставник включил какую-то медленную тягучую этническую музыку (для подготовки не грех воспользоваться и магнитофоном) и начал импровизировать. Я то повторяла за ним, то останавливалась, пока вовсе не растерялась, не зная, что делать.

– *Почему такая музыка?* – спросила я, когда мелодия закончилась.

– *А почему бы ей не быть такой?* – ответил Паки́то вопросом на вопрос.

– *Я хочу совсем другой танец, быстрый, с прыжками...* – заговорила я, немножко сердясь, что приходится повторять одно и то же.

– *Ты мне об этом уже сказала,* – небрежно произнес Паки́то.

– *И почему мы его не делаем?* – удивилась я.

– *Потому что у тебя не получается,* – категорично и просто сказал учитель.

– *Все у меня получается! Вы же сами видели на уроках, разве нет?* – возмутилась я. Зеркала еще никому не ввали. Я знала, что делаю движения правильно, быстро и четко. Более натренированно, чем две трети нашей группы. В этом я была уверена, потому что заниматься привыкла серьезно и оттачивать все до мелочей.

– *Не получается,* – спокойно повторил Паки́то.

Я устала на него и замолчала. Что такое? На прошлой неделе я получила 10 баллов в салвадорском университете за сочинение на португальском языке («пятерка» по-нашему). А сейчас у нас диалог двух глухих! Сомнений нет никаких: все слова учителя я перевела пра-

вильно и сама говорю верно. Но знание языка, даже самое профессиональное – еще не гарантия того, что вас поймут. Нужно знать не только, как сказать, а еще и о чем, уметь привести именно те аргументы, которые собеседник сочтет важными. Я понимала, что мне этому учиться и учиться и поэтому решила пока не спорить. Я пришла тренироваться, а не болтать.

– *Что мы будем делать?* – спросила я.

– *Пройдись шагами Омолу под эту музыку. При каждом шаге прогибай спину,* – проинструктировал Пакито.

Я послушно зашагала, стараясь растягивать движения в такт медленному ритму.

– *Не то,* – остановил меня Пакито.

– *Ты сама себе мешаешь,* – сказал он, – *расслабься. И неправильно дышишь. Дыши животом...*

Я так и застыла. Я что, ослышалась или совсем перестала понимать португальский? – такая мысль промчалась у меня в голове. Он действительно так сказал? – засомневалась я. Дышать животом во время танца так же неудобно и нерационально, как во время бега, если, конечно, это не специальные движения из танца живота. А ведь у нас сейчас совсем другое!

Видимо, мои сомнения отразились на моем лице.

– *Дыши в такт музыке,* – стал объяснять учитель, – *медленно, глубоко, пропуская воздух через весь корпус, от груди к низу живота, прогибайся на выдохе.*

Через несколько секунд такого дыхания у меня закружилась голова от переизбытка кислорода. Оказывается, я дышу совсем по-другому – быстро и поверхностно, и тот тип дыхания, которому меня сейчас учат, совсем не свойственен моему телу. Я скоро устала.

– *Научись так дышать, при этом расслабляться и слушать музыку,* – сказал Пакито и засобиравшись, давая понять, что репетиция окончена.

– *Как, уже все?!* – воскликнула я. – *Но я же ничему не научилась!*

– *Ты попыталась сделать самое главное – дышать в соответствии с музыкой. На дыхание будем накладывать танец,* – произнес Пакито, продолжая упаковывать свои диски в футляр. О таком подходе к танцу я еще не слышала. Это какая-то совсем другая логика.

Впрочем, как и во всем в Бразилии. Все переставлено с ног на голову, важное – неважно, неважное – важно, и когда пытаешься разобраться в том, что происходит, оказываешься в замкнутом круге, где любая точка – начальная, она же и конечная. Дело могут начать с конца, с середины... откуда захотелось. Вот и сегодня: разве это похоже на то, что мы с вами называем репетицией?

Я была разочарована и заинтригована. Добиваться того, чтобы учитель делал то, что я хочу – бесполезно. «Баранья стратегия» в Бразилии не в почете. Вздумай я настаивать, доказывать свою правоту – Пакито бы выслушал меня, улыбнулся – «да-да, я понял». И больше у него не нашлось бы времени для занятий. Когда бразильцам не нравится то, что им предлагают, или они не могут сделать того, о чем их просят, слово «нет» они не говорят, чтобы не обидеть собеседника отказом. Скажут: «хорошо, подождите недельку», а потом еще одну недельку и еще одну... До тех пор, пока вы не поймете, что человек не хочет или не может вами заниматься. Попадать на такие «недельки» мне не хотелось, поэтому нужно было принимать методы учителя, хоть они и казались мне не подходящими.

Дома я попробовала подышать под музыку. Это было неудобно, потому что мелодия медленная, дышать приходилось глубоко, чтобы выдох попадал на сильный счет. Сначала у меня кружилась голова, потом появилось состояние странного успокоения. Все дела, заботы и ожидания словно отошли на второй план, я сосредоточилась на себе «здесь и сейчас». Время будто замерло. Что это? – какая-то эзотерическая практика... Существует направление йоги, где с помощью дыхательных упражнений входят в измененное состояние сознания. Никогда не слышала, чтобы это использовалось в афро-бразильской религии кандомблэ (candomblé). В ней инструмент воздействия на сознание – особая барабанная музыка: такую не услышишь больше

нигде. Я бывала на ритуале, посвященном богине Иеманже. То, что помнится мне наиболее четко – это навязчивая, «лезущая в уши», барабанная дробь, от которой невозможно отвлечься. Ритм ускоряется и начинает звучать будто в голове. Мир остается где-то в стороне. Странная, ни на что не похожая музыка полностью завладевает вниманием. У человека, настроенного мистически, от таких звуков могут случиться галлюцинации. Я во время ритуала была скептически – современному человеку трудно поверить в существование морской богини, поэтому красоты потустороннего мира мне не открылись.

Немного свыкнувшись со странным типом дыхания, я пришла на следующую репетицию. Я опаздывала и влетела в зал почти бегом. Пакито ждал меня.

– *Привет!* – быстро сказала я, – *давайте заниматься.*

– *Спокойствие*, – ответил он, – *«ансиедаде» не приведет тебя никуда.*

«Ансиедаде» (ansiedade) – это слово не поддается точному переводу. В повседневности оно используется в значении «горячее желание», «нетерпение», «нервозность» и «беспокойство». Произносится оно, чаще, в негативном контексте. Хорошо, когда человек безмятежно спокоен, все делает не торопясь и с удовольствием. Если же он куда-то спешит, беспокоясь, что не успеет, наполнен какими-то желаниями, к чему-то отчаянно стремится – это, по мнению многих местных жителей, нехорошо.

С этим трудно согласиться. Именно горячие желания заставляют нас напрягаться, думать, делать, находить средства и способы, побеждать обстоятельства. Благодаря им мы не сидим на месте и не сдаемся при первых же трудностях.

Пакито, как и его соотечественники, считает, что нужно жить в согласии со своим внутренним миром, а чересчур страстное желание ослепляет и ведет к бесполезной погоне за тем, что на самом деле вам не нужно. А все из-за того, что в состоянии «ансиедаде» человек не может оценивать ситуацию объективно. Вот такая, почти буддистская философия.

– *Почему такие простые шаги? Давайте возьмем что-нибудь посложней!*

– *Ансиедаде!*

Спорить невозможно. Остается только «вывести за дверь» мою «ансиедаде» на ближайшие полчаса. И я иду под медленную музыку, в которой слышится дальний звон колокольчиков, раскачиваясь и глубоко дыша. Само собой наступает расслабление и не хочется больше никуда спешить и забивать голову ненужными вопросами. Медитация...

Однажды шла на репетицию с мыслью: дышать научилась, шагать научилась, надеюсь, теперь будет что-то поинтереснее. Пакито дал мне новое задание: поимпровизировать под музыку, красиво сесть на пол, красиво встать, а сидя на полу, показать, как русалка прихорашивается. Это несложно. Я вспомнила несколько эффектных поз из современной хореографии, которые показались мне подходящими. Затем села на пол, выпрямилась, вытянула одну руку с воображаемым зеркалом перед собой, вторую полукругом подняла над головой. Классическая позиция.

– *Что ты делаешь?* – тревожно спросил Пакито.

– *То, что Вы сказали*, – просто ответила я.

– *Я этого не говорил*, – категорично заявил Пакито.

Я начала лихорадочно вспоминать, что мне было сказано. Вроде бы, правильно его поняла, во всяком случае, глаголы все уловила точно. Или что-то было произнесено еще? Или фраза построена так, что трактовать ее следует иначе?

– *Я не говорил тебе показывать позы*, – раздраженно сказал Пакито, – *это не нужно и не интересно.*

Как? – удивилась я про себя. Это же азбука, на этом все танцы строятся – от классического балета до хип-хопа: несколько «проходных» шагов и точка (какой-то яркий момент в музыке), когда замираешь на доли секунды в эффектной позе. В России меня везде учили так. Вокруг этих поз и «закручен» весь танец, они как опорные моменты, как план работы... И вот

мне говорят, что это не нужно. А что тогда делать? Это же будет какая-то невразумительная «каша» из движений.

– *Я хочу, чтобы ты развивала конструкцию*, – сказал Пакито, – *смотри, вот я нахожусь в этой точке*, – он сел на пол, опустил голову, раскинул руки. Затем он стал медленно-медленно поднимать голову и выпрямляться. За какую-то долю секунды до того, как его спина должна была бы оказаться под углом 90 градусов по отношению к полу, он так же медленно начал вставать, вытягивая руки вперед. Выпрямился, разогнул колени и сказал:

– *Можно это сделать по-другому*.

Он снова сел на пол и встал, но уже по другой траектории.

– *Я хочу, чтобы ты сделала так*, – сказал он, – *а не это*. Он прошелся размашистыми шагами взад-вперед, время от времени замирая и поднимая руки в балетные позиции.

Действительно, его медленные движения, перетекающие одно в другое и меняющиеся тогда, когда ожидаешь некой логической паузы, выглядели как-то более многомерно, смотрелись загадочно, чем-то походили на шаманское действо, притягивали куда больше внимания и удерживали его сильнее.

Я снова начала двигаться под музыку, думая, что без своих «знаковых поз» буду, как на лыжах без палок. Наоборот, стало легче. Я почувствовала себя гораздо более свободной. Ушла постоянная обеспокоенность: достаточно ли хороша эта поза? Успею ли вытянуть ноги, руки, выпрямиться, как струна, за отведенные музыкой мгновения? Теперь можно спокойно «плыть» в музыке, лишь намечая направления движений, если что-то не успевается – и не надо. Даже дышать стало легче.

– *Хорошо*, – выдохнула я, когда мелодия закончилась. Я никогда не думала, что музыку можно переживать так.

Спустя месяц, у меня появилась некая, очень размытая хореографическая композиция. В ней был лишь намечен рисунок, не было четко определенного количества шагов. Было несколько базовых моментов, а что делать между ними, и даже когда их показать: раньше или позже, я должна была решать сама. Я имела право собрать эту гроздь в зависимости от настроения, как угодно, можно было даже что-то убрать. А вот добавлять было нельзя. Я чувствовала себя неуверенно. В России мы совсем по-другому работаем: задается строгая последовательность движений, продуманная до мельчайшего жеста, заучивается как можно тщательнее. Хорошо выходить на сцену, когда все отработано до автоматизма, даже если голова что-то забудет, тело вспомнит.

А тут нужно что-то постоянно, ежесекундно «лепить» в зависимости от настроения. А если его нет? Бывает, что вдохновение просто неоткуда брать. Может, я пять минут, как прибежала, запыхавшаяся, а времени посидеть, войти в образ нет.

Не было нити, на которую все можно было бы нанизать, я не чувствовала ее, понимала, что во мне ее нет. Нужно взять откуда-то этот новый образ и не просто «позаимствовать» на время, а принять в себя. Я понимала, что это не такой простой эксперимент. Что-то новое станет частью моей личности. От этого было не по себе.

Зазвучала музыка. Я стала танцевать, чувствуя себя неловко. Что-то подобное, наверное, может испытать актриса, которую просят сыграть кого-то, не объясняя, кого именно.

Пакито дождался окончания танца. Затем сказал:

– *Уделяй больше внимания той части, где ты с зеркалом*.

Для меня это самое трудное место в танце. Музыки много, просидеть по-русалочьи на полу, смотрясь в воображаемое зеркало, нужно несколько секунд, которые я просто не знала, чем заполнить. Не замрешь ведь, как статуя. Нужно, как бы, прихорашиваться. Честно скажу, очень стеснялась этого момента, всегда ждала в танце, чтобы он скорее прошел.

– *Ты не думай о зрителях*, – сказал Пакито, – *представь, что ты дома, собираешься куда-нибудь, наряжаешься, делаешь макияж, тебе приятно смотреть на себя в зеркало...*

– *Я не люблю смотреться в зеркало, – честно ответила я, – и макияж делать не люблю, крашусь только по необходимости...*

Комплексов по поводу своей внешности у меня нет. Иллюзий тоже. Скажем так, в театре есть ампула: романтическая героиня – высокая красавица с правильными чертами лица, и есть характерная актриса с внешностью, далекой от классических канонов, но запоминающейся. Роли у характерной актрисы гораздо более интересные и разнообразные, чем у героини, играющей, в сущности, всегда одно и то же. В театре жизни я характерная актриса. Такая вряд ли сыграет Джульетту, но получит множество других ролей, более глубоких и многогранных, чем этот достаточно стереотипный образ. Я стала собираться с мыслями, как бы покороче и подходчивей объяснить это Пакито...

Вдруг он сказал:

– *Вспомни детство. Когда ты была ребенком, ты играла и представляла, что ты – принцесса, красавица. Попробуй поиграть так сейчас.*

– *Я никогда не играла в такие игры, где есть принцесса, – ответила я.*

Пакито задумался. Откуда ему знать, что российских девочек в детстве учат получать «пятерки» и в книжку они смотрят куда больше, чем в зеркало. И теперь нужно изображать какую-то томную кокетку... Смешно не будет? Богиня рек и водопадов, архетип женственности, Ошум... Почему Пакито выбрал для меня такую роль?

– *Я стесняюсь, – сказала я.*

– *Чего? – спросил Пакито.*

– *Смотреть в зеркало и любоваться собой. Разве я модель? – высказалась я.*

– *А разве нужно быть моделью? Ты думаешь, что красота – это статика. Нет, красота – это динамика. Двигайся все время, но очень медленно, плавно, чуть-чуть поворачивай лицо, чуть-чуть взмахни рукой, намекай, не позволяя разгадать тайну, все время думай о том, что внутри тебя есть другая, божественная красота. Думай о ней.*

Он включил музыку, и я снова начала танец. Почему-то я представила, как струи водопада стекают в серебристое озерцо в темной каменной чаше в предгорьях. Я не была человеком из плоти и крови, я стала водой. Я расслабилась, мои движения стали текучими, плавными и не утомляли. Когда пришло время заглянуть в воображаемое зеркало, я почувствовала себя совсем юной девушкой, полной энергии и сил, свежей, как будто только что вынырнула из прохладного горного озера. Хотелось чуть-чуть «подурачиться», и я с удовольствием наводила виртуальный макияж. В то же время в глубине души я оставалась удивительно спокойной. Я встала и продолжила танец легко, словно отдыхая в движении. Казалось, для того чтобы идти вперед, не нужно никаких усилий. Странное чувство принадлежности к чему-то высшему не покидало меня.

Когда я закончила танец, первым, что я сказала, было:

– *Я поняла. Теперь поняла.*

– *Что поняла? – приподнял брови Пакито.*

– *Как важно быть женщиной. Не профессором, не учителем, не директором, не богиней. А просто женщиной, которая любит, понимает, чувствует. Это такая мудрость, сразу все становится ясным, и не надо больше ничего искать.*

Эта мысль – «как важно быть просто женщиной» – стала идеей моего танца. Готовясь к нему, я каждый раз вспоминала эти слова и то настроение, которое однажды сумела поймать. Больше я не думала о «несоответствии внешности и образа». Женщина красива просто потому, что она женщина. И все было простым и ясным в течение двухминутного отрезка времени, пока звучала шаманская мелодия.

Глава 2. «Культурный калейдоскоп» невероятной повседневности

Бизнес, семья и «вайдаде»

В Бразилии за новогодней неделей следует сезон отпусков, длящихся, в большинстве своем, до Карнавала. Университет закрыт на каникулы. Самое время позаниматься разными делами, в том числе серьезными. Я была приглашена на несколько собраний Баиянского филиала Торгово-промышленно-туристической палаты Бразилии – России (Câmara Brasil Rússia de Comércio, Indústria e Turismo). Существует национальная организация с таким названием – аналог нашей Торгово-промышленной палаты, только нацеленная на коммерческие взаимоотношения с одной страной – Россией. Идея ее создания – сделать консультативную организацию, которая помогала бы покупателям и продавцам находить друг друга.

У палаты есть несколько филиалов в разных штатах. В Баие создание регионального отделения было частной инициативой. В местной палате образовался целый Совет директоров. На одном из первых совещаний вспомнили, что попытка открыть совместное предприятие уже делалась. В индустриальном городе Фейра-де-Сантана (Feira de Santana), что в двух часах езды от Салвадора, собирались построить водочный завод. Спаивать бразильское население?! – едва ли удастся. Водку и кашасу (cachaça – алкогольный напиток из сахарного тростника, крепостью 40 градусов) в чистом виде здесь мало кто употребляет. Любителей много пить в Бразилии не уважают. На кашасейро (пьяницу) смотрят, как на пропавшего человека.

Здесьние праздники не похожи на русское застолье. Они делаются для того, чтобы «людей посмотреть и себя показать», а не для того, чтобы пить и есть. Хоть стол и накрывается в большинстве случаев щедро, он играет отнюдь не главную роль в событии. Спиртные напитки могут не подаваться вовсе, хотя чаще всего предлагают легкое местное пиво крепостью 3–4 градуса либо алкогольные коктейли кайпирина (caipirinha – состоит из кашасы, воды, соков с добавлением льда и кусочков фруктов) или кайпироска (caipiroska), где вместо кашасы используется водка. Алкоголя в такие коктейли льют немного, и все же без него их приготовить невозможно.

Хорошую водку в Бразилии купить трудно, она или импортная и очень дорогая, или местная и не слишком высокого качества. Так что без прибыли водочный завод бы не остался. Только, к сожалению, в 2004 году, когда появилась эта инициатива, российский бренд «Столичная» был продан США, у русской компании возникло множество сложностей, и план завоевания бразильского рынка был забыт. А баяинцы уже купили землю и подготовили разрешение на строительство завода. И вдруг русские партнеры пропали.

Не был реализован и проект постройки в России завода по производству напитка гуаранá (guaraná), который здесь так популярен, что все лимонады в банках и бутылках, включая колу, называются этим словом. Гуаранá получила свое имя по названию амазонского растения, которое в ботанических каталогах на латыни именуется Paullinia cupana. Это растение – один из самых мощных в мире природных энергетиков. Порошок плодов гуарана является основой напитка. Питье имеет сладкий, несколько терпкий освежающий вкус. Баночная гуарана прозрачная, желтовато-зеленого цвета; домашняя (разведенная из порошка) – темная, красновато-коричневая. Я сама нередко восстанавливаю силы стаканчиком свежеразведенной гуараны в кондитерской Кубана (Cubana), что на Пелоуриньо (Pelourinho), недалеко от культурного центра известного писателя Жоржи Амаду. Усталость исчезает в считанные минуты.

Еще одно бразильское изобретение – смесь соков гуарана и асаи (açaí). Асаи (euterpe oleracea) – тоже амазонское растение, из плодов которого делается охлажденное сладкое блюдо

чернильно-фиолетового цвета, похожее по вкусу на мороженое. Подают асаи с кусочками банана, дыни или с клубникой. Он очень питателен, тарелка асаи может заменить целый обед. Асаи также обладает свойствами энергетика. Когда я увидела в магазине концентрированный сок с говорящим названием «Бомба байана», в составе которого были заявлены гуарана и асаи, я купила, не раздумывая. Хотя дороговат. Пакетик концентрированного сока стоит 50 сентаво (половину бразильского реала), этот – в 3 раза дороже. Размешала «Бомбу байана» с водой и сахаром в миксере, протестировала – результат того стоил: вкусно, хорошо освежает в жару, и, главное, после такого энергетического топлива никакой марафон не страшен.

«Покопавшись» в национальных особенностях ведения бизнеса, я убедилась в том, что большой потенциал экономического сотрудничества наших стран реализуется так слабо именно из-за «культурных барьеров». Даже слово «работа» бразилец и россиянин понимают по-разному. В Бразилии работа – понятие довольно неопределенное. Все, что угодно, можно засчитать как работу, даже деятельность, имеющую весьма опосредованное отношение к проекту. Тогда как для россиянина работа – это четко определенная последовательность дел, направленная на реализацию цели. Бразилец смотрит на работу как на процесс, житель России, в первую очередь, оценивает результат. Разные темпы ведения дел, отличаются способы планирования, несоответствуют друг другу оценка возможностей и итогов, и в результате – сложности со взаимопониманием по самым простым, казалось бы, вопросам.

Так в чем же мы похожи? Эмоциональны, склонны к эмпатии («заражаться» эмоциями другого), не самые лучшие друзья дисциплины, любим делать все по вдохновению. На этом сходства, пожалуй, заканчиваются. Культурный и исторический опыт у наших народов очень разный, природные условия – противоположные. Поэтому и смысловые акценты расставляются совершенно по-другому. Здесь, как у настоящих «антиподов», все вверх ногами. Бухгалтер может отложить подготовку отчета за триместр и пойти на день рождения любимой бабушки. Нам с вами, записным трудоголикам, это покажется, мягко говоря, странным. Ах, какой безответственный бразилец, все бы ему гулять! А у него есть свой резон. Работу вы можете потерять в любой момент. А бразильская семья – как правило, большая и сплоченная – всегда поддержит родственника и морально, и материально. Если он, конечно, ценит свой «клан» и у него хорошие отношения с родней. Так чему следует уделить больше внимания: работе или семье? Вот вам и «важно – неважно». Чтобы понять бразильцев, стоит на часок забыть о наших с вами стереотипах и представить себе другой порядок, и себя в этом другом порядке.

Моя семья – моя крепость

Несмотря на постоянные экономические трудности в стране, у людей нет большого страха бедности. Потеряв работу, здесь не рвут на себе волосы, не впадают в депрессию, хотя поиск работы может растянуться на годы. Защиту от неурядиц находят в семье. Бразильская семья – сложная и разветвленная система. У пары, как правило, несколько детей. Одна из базовых установок бразильского воспитания – братья и сестры должны поддерживать друг друга. У выросших детей появляются свои дети, а двоюродные братья и сестры в Бразилии – почти то же самое, что родные. В следующем поколении отношения между троюродными родственниками остаются теплыми, семейными. В семью вливаются родственники со стороны мужей и жен, и так образуется сложный многоступенчатый «клан». Представители семейных диаспор вместе работают, вместе занимаются бизнесом, помогают друг другу растить детей, делать крупные покупки и т. д. Раз или два в год организуются большие семейные вечеринки, для проведения которых арендуют кафе или устраивают барбекю на открытом воздухе, поскольку редкий дом способен вместить столько людей.

Если с кем-то в семье случилась беда – помощь не заставит себя ждать. Как бы ни была семья ограничена в доходах, безработный не останется без крыши над головой и блюда фасоли с рисом (повседневная бразильская еда). Если не могут помочь родные братья и сестры, откликнутся двоюродные, тети, дяди, родственники чьих-нибудь мужей или жен...

Наш университет проводил социологический опрос среди бездомных жителей Салвадора. Мне было интересно пообщаться с обитателями городского «дна», будучи при этом уверенной в своей безопасности, и я в составе внушительного отряда студентов отправилась «в поле». Предполагалось, что основные причины, приведшие людей на улицу, – это наркотики и безработица. Результаты наших интервью удивили не только меня, но и социологов-бразильцев: 90 % бездомных оказались на улице по причине конфликта в семье.

Например, несколько братьев и сестер живут в общем доме, одна сестра умудрилась перессориться со всеми, ушла жить на съемную квартиру, потеряла работу, ей стало нечем платить аренду, а вернуться домой – ни-за-что!

Или мужчина со скандалом развелся с женой, «клан» принял сторону супруги, а ему только и осталось, что уйти из дома «в никуда». Самостоятельная жизнь не заладилась, а помощи теперь просить не у кого.

Оказалось, что уменьшить число бродяг на городских улицах можно, прибегнув к помощи психолога, который помог бы разрешить конфликты и наладить разрушенные семейные связи. Разумеется, человека, проскитавшегося десять лет, чья психика подорвана бродяжничеством и употреблением дешевых наркотиков, в лоно семьи уже не примут. А для тех, чья уличная одиссея только начинается, восстановление отношений с родственниками – лучшая помощь, гораздо более эффективная, чем бесплатный суп и городские приюты.

Как-то разговорились с другом об условиях жизни работающей женщины в Бразилии. Я была шокирована известием, что в случае болезни ребенка мать не имеет права на оплачиваемый больничный. «Как так?» – удивилась я. «А зачем? С ребенком сидит бабушка», – спокойно ответил он. «А если бабушка в другом городе? Или ее в живых нет?» – не унималась я, обеспокоенная судьбой бразильянок и их детей. «Есть сестры матери, подростки племянницы, тети. Наконец, есть родня мужа. Кто-нибудь всегда найдется», – сказал он убежденно, как непреложную истину.

Когда государство не слишком стремится заботиться о гражданах (хотя начиная с 2000-х ситуация в Бразилии улучшается), семья становится лучшей формой социальной защиты. Бразилец гордится своим «кланом», знает наперечет всех родственников с отцовской и материнской сторон, помнит имена прабабок и прадедов, знает, где они жили и чем занимались; часто

знания своего генеалогического древа простираются еще глубже в прошлое. Житель Бразилии чувствует за спиной поддержку своей большой семьи, ему есть на кого рассчитывать в трудных ситуациях.

Вообще, бразильцам нравится быть частью большого скопления людей, им уютно в толпе, они очень любят всякие объединения, общества и ассоциации по интересам, будь то любительский танцевальный ансамбль, курсы плетения соломенных салфеток или общество активистов благоустройства родной улицы. Ну и что, что общество целый год занималось болтовней, а яму перед магазином так и не заасфальтировали. Главное, есть повод быть вместе. Это стихийное, добровольное стремление к коллективизму, желание объединяться и организовываться породило в Бразилии к началу XXI века множество явлений гражданского общества: многочисленные профсоюзы, ассоциации работников различных отраслей, объединения по месту жительства, культурные движения, такие как фольклорные группы *Folia dos reis*, те же школы самбы и т. д.

Некоторые из них не связаны с политикой, другие – политизированы. Экс-президент страны – Лула начинал свою карьеру как профсоюзный лидер. Во многом благодаря набравшим силу общественным движениям политика стала более открытой, появились программы помощи широким массам населения: *Bolsa familia* (семейный кошелек), по которой бедные семьи с детьми получают доплату до прожиточного минимума, и *Minha casa, minha vida* (мой дом – моя жизнь) – программа строительства недорогого жилья для молодых семей, согласно которой оплату части стоимости недвижимости берет на себя государство.

Семейственностью наполнены повседневные отношения бразильцев, даже тех, кто родственниками не являются. В небольших частных магазинах, если вы знакомы с хозяином, можно купить продукты *a fiel* (в дословном переводе – по верности), то есть в долг, а расплатиться в конце месяца, когда получите зарплату. При этом не требуется никаких расписок, подтверждений, хозяин просто записывает, что у него взяли. Нерадивого должника ждет осуждение всей улицы. Никуда не денется, заплатит, если только не сбежит в другой город, но это явление из ряда вон выходящее. Бразильцы не любят срываться с насиженного места, менять обстановку. Только очень хорошая перспектива или невыносимая бедность могут заставить их мигрировать.

Я думала, что правило *a fiel* распространяется только на своих, мне никогда в голову не приходило попросить что-то в долг. Однажды, возвращаясь с долгой прогулки по городу, я перекинулась несколькими словами с Марсело, хозяином небольшого ресторана на улице, где я живу. На дежурный вопрос: «Как дела?», я ответила искренне: «Устала, есть хочется, а деньги уже потратила. Сейчас схожу домой за деньгами и вернусь перекусить». «Да ладно, – небрежно сказал Марсело, – садись есть, а деньги завтра занесешь».

Несмотря на плотность семейных и дружеских отношений, личность не растворяется в обществе, как это происходит, например, в Японии и Китае. Быть вместе не означает ходить строем и думать одинаково. Бразильцы с удовольствием подчеркивают свою индивидуальность.

«Вайдаде» – прекрасный грех

Второй «кит» бразильской жизни – вайдаде (vaidade), слово, которому нет эквивалента в русском языке. Иногда вайдаде переводят как «гордость», я считаю, что это не точный перевод. Пожалуй, ближе всего «тщеславие», хотя это слово отражает только одну часть явления. Вайдаде – это желание быть в центре внимания, получить свою порцию одобрения, восхищения, удивления и даже зависти. Говоря актерским языком, вайдаде – это стремление сорвать аплодисменты, услышать восторженное «ах!» Первой появиться на улице в платье такого же фасона, как у звезды последнего сериала, полгода фанатично терзать музыкальный инструмент, чтобы поразить соседей и друзей исполнением, позвать известного человека на домашнюю вечеринку – это все вайдаде. Вайдаде заставляет капоэйриста крутить безумные сальто-мортале, сопряженные с риском для здоровья, а футболиста – без необходимости «танцевать» с мячом на поле. Посмотрите, люди добрые, каков я!

Вайдаде – это когда в соседний магазин женщина идет «при полном параде»: накрашенная, безупречно одетая, сверкает свежим маникюром и педикюром; а безработный житель фавелы появляется на центральных улицах одетый и причесанный, как уважаемый горожанин.

Вайдаде – не сам успех, а демонстрация успеха. Если женщина вышла замуж за богача и тихо сидит в «золотой клетке» – никто не скажет, что она «вайдо́за», если ее покажут по телевизору в дизайнерском платье – «оооо!», если кто-то выиграл деньги в лотерею и купил загородный дом где-то там далеко – это никому не интересно, если же закатил вечеринку для всей улицы – «вайдаааде»!

Этим же словом священники здесь называют один из семи смертных грехов. Хотя никакие проповеди не мешают бразильцам грешить с утра до вечера. В обиходе негативное значение этого слова почти утрачено, оно слилось с понятиями «шикарный», «эффектный». В применении к женщине «вайдоза» звучит как одобрение, иногда с оттенком зависти. Названная так особа стильно одевается, умеет себя преподнести, держится, как звезда экрана, даже если она простая парикмахерша. Девушка «вайдоза» пользуется успехом у молодых людей: такой подружкой можно гордиться.

Именно «вайдаде» – желание получить широкое одобрение – толкает бразильцев на подвиги. Личный успех для самого себя не слишком стимулирует, тогда как достижение, которое можно будет продемонстрировать на аудиторию, заставляет совершать невероятные вещи. Например, скромный служащий может потратить жизнь, создавая ансамбль народной музыки: собирать людей, закупать инструменты. И через 20 лет коллектив зазвучит так, что профессионалы придут послушать виртуозное исполнение редких мелодий.

Раньше меня удивляло то, что мои бразильские друзья придают так много значения впечатлению, которое производят на окружающих, тратят на имидж столько сил и так огорчаются, если задуманного эффекта достичь не удастся. «Как ни старайся, невозможно понравиться всем на свете», – убеждала я. Со мной соглашались и продолжали в том же духе. Спустя какое-то время я поняла это так: бразильская женщина, выходя из дома, в какой-то степени чувствует себя актрисой, выходящей на подмостки, и какой бы скромной ни была ее роль в спектакле жизни, она – звезда, и ее нельзя не заметить.

Мужчина также стремится, чтобы его имидж максимально соответствовал избранной роли: предпринимателю хочется показать, что он может купить полгорода или сможет в скором будущем, чиновник – большой начальник, футболист – второй Пеле, пока непризнанный. Бывает, что это превращается в позерство и фальшь, имидж имеет мало общего с реальностью, но тщательно поддерживается, вводя людей в заблуждение. Человек, вместо того чтобы усердно работать и добиваться реального успеха, живет ради того, чтобы казаться успешным.

Такие личности попадают среди бизнесменов «невысокого полета». Этот «большой босс» будет долго рассказывать о своих предприятиях, проектах и планах, он поддержит любую инициативу и будет долго и подробно обсуждать перспективы сотрудничества. Когда придет пора перейти от слов к делам, у него случится неотложная поездка, сломается машина, заболеет кто-то из родных и т. п. А когда закончатся отговорки, он попросту отключит телефон. Если бразильский партнер один раз не выполнил вовремя свою часть работы, это могло произойти по причине неумения рассчитывать свое время. А если два раза подряд запланированное останется лишь на бумаге – это уже повод задуматься: он действительно хочет и может это делать? Стоит подумать о замене партнера: танец «шаг вперед и два назад» может продолжаться год и больше. Все же, в большинстве случаев, вайдаде не раздувается до такой величины.

Язычество и христианство

Пожалуй, ни в одном уголке мира язычество и христианство не переплетены так тесно. Синкретизм (двоеверие) стал основой жизни во многих бразильских городах, в том числе в Салвадоре и Рио-де-Жанейро.

Конечно, пришли к этому не сразу. Во времена рабовладения все проявления племенных культов были строжайше запрещены невольникам. Пленников крестили, для них служили мессы, вчерашним язычникам объясняли основы христианской религии. Рабы исполняли католические обряды. Несмотря на внешнюю покорность новым правилам, они тайно сохраняли веру своих предков. Для христианских святых находились аналоги в языческой мифологии, например, Иисус Христос – Ошалá (Oxalá), творец людей; Святая Дева Мария – Иеманжá (Yemanjá, Iemanjá), богиня моря; Санта Барбара – Янсá (Iansã), богиня грозы; Святой Георгий, побеждающий дракона, – бог охоты Ошóсси (Oxossi) и другие. Молясь этим святым, переселенцы из Африки обращали свои помыслы и надежды к племенным богам. Языческий культ маскировался под христианский ритуал – в молитвенном доме ставили крест, статуэтки католических святых. На взгляд господ, это была обычная часовня, но кроме христианских богослужений в ней проводились языческие обряды, когда за прихожанами не было контроля.

Из мифологий разных африканских племен сложился пантеон богов оришá (orixá) – воплощений сил природы. Им посвящается культ кандомблэ – система, включающая в себя описание мира и историю его сотворения, совокупность знаний о природе, традиции и искусство. Несмотря на все усилия священников, искоренить этот культ было невозможно. Ведь кроме фазенд, где рабы не всегда подвергались тотальному контролю, существовали киломбо (quilombo) – независимые, скрытые в лесах поселения беглых рабов. Там ничто не мешало бывшим невольникам славить своих богов, оттуда тянулись ниточки тайных знаний.

В начале XX века бразильцы-христиане приравнивали кандомбле к черной магии. Этого культа боялись, о нем ходили жуткие слухи; на людей, хоть раз побывавших на ритуале кандомбле, смотрели с подозрением и страхом.

Много сделал для преодоления негативного образа кандомбле в обществе всемирно известный писатель Жоржи Амаду. В 40-е годы прошлого века он был депутатом Федерального собрания Бразилии и смог добиться принятия закона о свободе вероисповедания. Этот широко образованный светлокожий потомок фазендейро сам занимал почетную должность бабалаб (babalaô) – советника в одной из общин кандомбле.

Жоржи Амаду заговорил о художественной ценности афро-бразильского искусства, связанного с культом кандомбле, об обширной самобытной мифологии, связанной с этой религией. Благодаря ему и другим образованным энтузиастам, таким как французский фотограф и этнограф Пьер Вергер, который долгие годы жил в Бразилии и изучал уклад жизни афро-бразильцев, появилась новая точка зрения, трактующая кандомбле как культурное явление, на основе которого возник широкий пласт национального искусства. Эта точка зрения в настоящее время признана большинством в обществе. Ритуалы поклонения языческим богам воспринимаются не как магия или служение демонам, а как следование традициям и возвращение к корням, как неотъемлемая часть «бразилидаде» (brasilidade) – «бразильскости».

Праздники афро-бразильского культа с размахом проводятся на центральных площадях городов при поддержке префектур. Эти красочные зрелища привлекают тысячи участников и туристов. Эффектный ритуал, неотъемлемой частью которого являются музыка, танцы, нарядные костюмы участников, смотрится как шоу. При этом его сакральная смысловая нагрузка сохраняется: собравшиеся славят языческих богов и богинь, просят их защиты и покровительства. Часть людей, участвующих в празднике, настроены скептически; есть те, кто в глубине

души надеются, что обретут удачу, покровительство некоей силы, хотя, в общем-то, в богов оришá не верят; есть и те, кто исповедуют кандомбле.

Современная бразильская католическая церковь живет в мирном соседстве с последователями афро-бразильского культа. На празднике Лаважень ду Бонфим перед собравшимися выступает с поздравлением епископ города Салвадор. Спустя несколько минут после выступления католического иерарха происходит языческий обряд омовения ступеней церкви особой ароматизированной водой, которую приготовила жрица кандомбле. В день Святого Роке храм, где проходит праздничная месса, буквально окружен последователями афро-бразильского культа, предлагающими пройти обряд снятия сглаза. Можно прямо после мессы обратиться к жрецам. А священник спокойно служит, не обращая внимания на то, что творится возле церкви – некоторые жрецы и жрицы раскладывают предметы культа прямо на ступенях лестницы, чуть ли не на пороге храма!

Признаюсь, когда я побывала на празднике Святого Роке, была шокирована таким соседством. Раньше в моем понимании христианство и язычество представлялись непримиримыми врагами. Казалось, что невозможно даже подумать о каких-то компромиссах между этими полярными мировоззрениями. Батюшка в церкви служит, а на ее пороге волхв заговоры читает – такого ни один российский фантаст ни в одном фэнтези не напишет. Это для наших читателей что-то совсем нелогичное, не укладывающееся даже в рамки сказки. А здесь, на другом континенте, такова реальность.

В бразильских городах, где перемешаны все культуры и религии мира, вызревает новая модель общества, делающая возможным сотрудничество и взаимопонимание между представителями противоположных мировоззрений. Так что же такое на самом деле прогресс и чем он измеряется? Количеством прочитанных книг, наличием айфона последней модели или умением перешагнуть через предрассудки? По моему мнению, прогресс не в айфонах, а в головах. Гибкость мышления, способность к диалогу, умение понять и принять чужое мнение, не отказываясь при этом от своего, открытость для новых знаний, стремление глубже понять мир и окружающих людей – невозможно отрицать важность этих качеств для современного культурного человека. А тут модель поведения именно на этом строится. Каждому отведено свое место, никто не стремится ущемить права другого, не отстаивает свою точку зрения как единственно правильную, каждый создает свою часть праздника, а из всего вместе складывается красочное событие. Кто-то верит, что ритуал снятия сглаза принесет удачу, кто-то говорит о нарядных жрецах и жрицах – «это наша культура, наша история, наша Бразилия».

Происходящее бразильцы видят в целом, а не фрагментарно, имея свое мнение, интересуются чужим, приветствуют разнообразие. Пожалуй, именно целостность восприятия помогает снять противоречие «мы – они». Да, мы разные, но все мы верим в Творца всего сущего, который хочет блага для своих детей. Этого достаточно для того, чтобы сотрудничать.

Капоэйра – национальный вид спорта

Капоэйра (saoeíra) в последние годы получила не меньшую известность по всему миру, чем Карнавал.

Всем, кто занимается капоэйрой, известно, что этот вид спорта зародился в Баие. Салвадор претендует на звание мировой столицы капоэйры. Здесь в каждом квартале есть своя академия – этим помпезным словом называется школа капоэйры. Бывает, что и не одна на квартал. Все ответвления анголы и регионала (два основных стиля капоэйры) вы найдете в Салвадоре. Взрослые, подростки и дети в белой (иногда черно-желтой) спортивной форме, деловито шагающие по улицам с беримбау в руках, – часть повседневной жизни города.

Рóда (roda) капоэйристов бывает в Салвадоре каждый день, чаще всего – в форте Санто Антонио, который известен как «форт капоэйры». Слово «рода» трудно точно перевести на русский язык. Сказать «состязание» – не то, «встречей» это действо тоже не назовешь. Рода – это особый ритуал, так будет точнее всего.

Капоэйристы рассаживаются в круг (дословно, рода и означает «круг»). Одну сторону круга составляет батарея – музыканты. Главный инструмент капоэйры – беримбау (berimbau), музыкальный лук, который можно изготовить только в Бразилии. Это согнутая дугой палка – беримба (делается из особой породы дерева) и резонатор – высушенная тыква (кабаса). У беримбау только одна струна. Играют, стуча по ней деревянной палочкой, звук меняется оттого, что струну прижимают с помощью камня или монеты или отпускают. Игра на беримбау требует ловкости: нужно крепко держать большой инструмент, не давая ему раскачиваться, при этом то прижимая его к животу, то отнимая – это меняет звук, зажимать и отпускать струну, бить палочкой то выше, то ниже. Виртуозы игры на беримбау могут сыграть на этом инструменте даже известные рок-композиции.

Кроме беримбау, в роде звучит пандейру (pandeiro) – бубен и большой барабан атабаке (atabaque). В регионе этими тремя инструментами могут ограничиться. В анголе, более старинной капоэйре, правила подбора батареи строже. Беримбау должно быть непременно три – гунга (низкий), медиа (средний) и виола (высокий), два пандейру и еще сдвоенные колокольчики агогó (agogô) и трещотка реку-реку (гесо-гесо).

Рода начинается с того, что музыканты играют, и кто-то из участников поет ладаинью – длинную вступительную песню, нередко придуманную по принципу «что вижу, то пою» с припевом «Вива, мой Бог!», «Вива, мой мастер!» (мастер, местре – наставник капоэйриста).

Когда ладаинья окончена, в круг выходят два первых участника и садятся на корточки возле батареи. Звучит специальная боевая песня (есть особый жанр песен для капоэйры) и начинается игра – имитация боя. Один участник наносит удар, задерживая движение в нескольких сантиметрах от оппонента, другой уходит от нападения. При этом оба двигаются в соответствии с ритмом музыки. Игра двух мастеров смотрится великолепно. Если же играют не столь подготовленные участники, это может выглядеть по-разному.

Идут споры: капоэйра – борьба или танец? На мой взгляд, капоэйра – это капоэйра, нечто третье, особый и самодостаточный вид спорта. Для борьбы как таковой она слишком обставлена ритуалами: необходимо двигаться в согласии с музыкой (не можешь «ответить» противнику быстрее, чем прозвучит сильный счет), много красивых, но не совсем рациональных для реальной ситуации нападения-защиты движений, наконец, нет самого соревнования – в игре не бывает ни победителей, ни проигравших.

Если это танец – то танцор поставлен в очень невыгодные условия. Ему необходимо по ходу действия «станцеваться» с партнером, которого он, возможно, видит впервые в жизни и уж точно ничего с ним не репетировал. Неизвестно, что партнер будет делать в следующую секунду, все строится на импровизации и интуиции, музыка то ускоряется, то замедляется.

И все это действие происходит «под прицелом» глаз зрителей. Согласитесь, в такой ситуации танцору сложно показать максимум своих возможностей.

Некоторые капозэйристы рассказывают, что, играя в роде, испытывают некий прилив сил, вдохновение, когда тело «само собой» движется в правильном ритме, когда без напряжения «угадывается», что будет делать оппонент, и двое участников играют согласованно, «читая мысли» друг друга. Говорят, в такие моменты они переживают состояние гармонии с миром, чувствуют себя частью музыки, роды, капозэйры как таковой, и происходит очень мощная «подзарядка» энергией. К такому уровню в капозэйре нужно идти на протяжении нескольких лет, чтобы добиться состояния, когда между замыслом и исполнением проходят доли секунды, и в игре практически нет пауз. И партнер должен быть под стать, с новичком так не сыграешься.

Изначально капозэйра была борьбой, которую рабы «маскировали» под танец. Удары и уходы «вписаны» в декоративные элементы, пришедшие из ритуалов поклонения племенным богам, из самой древней охотничьей магии, когда, прежде чем отправиться за добычей, исполняли танец какого-то животного.

В создание капозэйры внесли свою лепту несколько африканских и индейских племен. Неудивительно, что она полна загадок. Например, есть движение, когда человек оказывается на четырех конечностях животом кверху. А оппонент в это время удобно стоит на двух ногах. На протяжении того времени, которое нужно партнеру чтобы повернуться через бок и оказаться в исходном положении, он может сделать с ним что угодно. В роде, конечно, партнер ожидает, переминаясь на месте в джинге (основной шаг капозэйры), или, может быть, крутит мейя-луа (удар прямой ногой по траектории полукруга) над головой второго участника. Возможно, в незапамятные времена в каком-нибудь племенном танце это положение символизировало покорность. С другой стороны, этот элемент эффективен с точки зрения фитнеса – спину укрепляет, гибкость развивает. Может быть, когда-то это был тренировочный момент, который позже стали выносить на роду. Теперь уже никто на эти вопросы не ответит.

В целом, чтобы понять философию капозэйры, нужно ею жить: хотеть играть в роде и стремиться быть хорошим игроком. Тогда все встанет на свои места, и всему найдется объяснение. В футболе тоже можно, при желании, найти элементы борьбы и танца, но никому в голову не придет сравнивать его с тем или с другим. Футбол – это футбол, а капозэйра – это капозэйра, и занимаются ею ради нее самой. К слову сказать, капозэйрой невозможно заниматься чуть-чуть, раз в неделю, как аэробикой, она либо затягивает, либо выталкивает, ею, действительно, живут. Те, кто считает себя капозэйристами, тренируются не реже трех раз в неделю, тратя немало сил.

Как национальный вид спорта капозэйра получила признание после принятия в 1941 году Федерального закона, подтверждающего ее статус. В тот же год был создан Национальный департамент капозэйры. В современном Салвадоре она поддерживается как способ воспитания подрастающего поколения. Это незатратный вид спорта, который можно практиковать в любом зале и даже на улице, учителей капозэйры много, и они соглашаются работать за небольшую зарплату, а есть такие энтузиасты, которые дают уроки бесплатно – ради идеи, в целях продвижения своей школы или в качестве помощи детям из неблагополучных семей. Все понимают важность развития детской капозэйры в бедных и беспокойных районах, где нужно отвлечь детей и подростков от бесцельного шатания по улицам. Только энтузиасты капозэйры, обычно, люди небогатые, им сложно снять зал, а ученики из малообеспеченных семей не могут платить за уроки. Тут нужна помощь муниципальных властей. В городе существует несколько благотворительных школ, принимающих учеников за символическую плату.

По праздникам крупные школы капозэйры устраивают показательные роды в центре Салвадора. Смотрится, конечно, красиво. Названия школ самые разные – «Союз» (União), «Лунные орлы» (Gaviões da lua), «Ангелы Анголы» (Anjos de Angola), «Золотой закон» (Lei Áurea) – в честь закона об освобождении рабов; по имени основателей капозэйры: Академии

Местре Бимба (Mestre Bimba) или Местре Паштинья (Mestre Pastinha), всемирно известные «АшЕ» (Axé) и «Абада́» (Abadá) и многие другие.

В прозвищах капоейристов сполна проявляется бразильская изобретательность и чувство юмора. Говорят, что нет такого слова, которое не могло бы стать еврейской фамилией. В португальском языке, пожалуй, нет такого слова, которое не могло бы стать боевой кличкой капоейриста. Например, можно собрать целый зоопарк: мастер Крыса, Бык, Сова, Утка, Летучая мышь, Леопард, Кот, Жаба; есть прозвища, которые даются по боевым качествам – Весь Жесткий (Todo Duro), Свинцовая Ступня (Pé de Chumbo), Палач (Carrasco) – видимо, в его исполнении, капоейра не так уж безобидна, есть мастер Китай (China), есть антипод Палачу – мастер Хороший Человек (mestre Boa Gente); в Салвадоре дает уроки мастер Чемодан (mestre Mala), а в Сан-Паулу – мастер Подушка (mestre Travesseiro).

Как бы ни звали учителя, если вы пришли на капоейру – легкой жизни не ждите. Те, кто придумывал капоейру в прошлые века, и те, кто ее систематизировал в XX веке, рассчитывали на людей, с детства занимающихся тяжелой физической работой, а не на тружеников офиса с сидячим образом жизни. На тренировках придется попотеть.

Я сама капоейрой занималась немного. Бразильские танцы увлекли меня больше. Сомневалась и то, и другое не было времени, да и просто физических сил не хватило бы. Благодаря капоейре я познакомилась с человеком, сыгравшим важную роль в моей жизни. Жуван Батиста, более известный как Рико Капоейра (Rico Capoeira), недолго был моим учителем капоейры и впоследствии стал моим другом, советчиком и защитником в непростой жизни в Салвадоре.

Рико вырос в одном из периферийных районов Салвадора. Его родители работали на временных рабочих местах, а то и вовсе сидели дома без работы. В детстве он познал и голод, и нужду, с восьмилетнего возраста сам вынужден был подрабатывать. Однако трудное детство не заглушило в нем ни тяги к знаниям, ни творческих способностей. Мальчишкой он выучил разговорный английский язык с помощью своего друга – североамериканского проповедника-мормона. Мормоном Рико не стал, но дружба с иностранцем повлияла на его характер. В нем развился и усилился интерес к другим культурам (вообще свойственный бразильцам). Он захотел изучать и разговорный русский язык. На удивление быстро Рико научился строить несложные фразы по-русски, справляясь, при этом и с падежами, и со склонениями.

Недавно он удивил меня, оказавшись, в буквальном смысле, человеком-оркестром. Рико принес мне послушать записанный им диск музыки для капоейры. Там звучали все традиционные музыкальные инструменты, пел солист и хор. На вопрос, с какой группой он записал этот диск, Рико ответил, что сделал все один. Я удивилась, а он объяснил, что записал звучание каждого инструмента отдельно, потом соединил все с помощью компьютерной программы. Также он «сделал» хор – 8 раз пропел припев песни, потом объединил собственные голоса. Разумеется, все песни были его авторства. Темы песен – капоейра, борьба афробразильцев за освобождение, красота бразильской природы и культура Баии.

Рико разделяет мое мнение о том, что главное богатство и главный экспортный товар Бразилии – не кофе и сахар, а яркая и самобытная культура, в недрах которой зреет новая модель человеческих отношений – толерантная, гуманистичная, гармонично сочетающая индивидуальность и коллективизм. Сейчас он работает над проектом по культурному обмену между бразильскими и немецкими студентами. Рико организует культурную часть программы – уроки капоейры и танцев, праздники и походы на концерты и шоу.

Этот человек много сделал для того, чтобы облегчить и упростить мою жизнь в Салвадоре. Не жалея времени, отвечал на все мои вопросы, объясняя подробно, как бразильцы видят то или иное событие. Его пояснения помогли мне сориентироваться и войти в русло бразильской жизни. Например, он сообщил мне, что, общаясь с бразильцами, нельзя быть упрямой – это очень раздражает людей. Отстаивать только свою точку зрения (даже если она очень важна), не обращать внимания на аргументы собеседника (даже если они не представляются

важными) – тупиковый путь. Так ничего не добьешься и не докажешь, только потеряешь возможность сотрудничества с человеком, который мог бы помочь. Нужно уметь идти на маленькие компромиссы или хотя бы демонстрировать желание понять собеседника и пойти на компромисс. Тогда человек успокоится и примет вашу точку зрения или вы вместе придете к какому-то общему решению, которое устроит всех. Ни в коем случае нельзя собеседника «гладить против шерсти» – так можно прослыть невоспитанным человеком. Получила я немало и других советов, вплоть до бытовых ориентаций – какие продукты покупать, по каким улицам более безопасно ходить и т. д. Конечно, человеку, обживающемуся в другой стране, встретить такого друга – большая удача.

Тирадентес – борец за освобождение Бразилии

Как-то в начале апреля я сидела с друзьями в кафе, и они вдруг начали строить планы: Тирадентес выпадает на четверг, значит, в пятницу тоже работать не будем, как хорошо, четыре дня отдыхаем.

Какое необычное слово «тира-дентес» – кто это или что это?

Выяснилось, что это не просто слово, а имя, вернее, даже не имя, а прозвище. Жоакин Жозе да Силва Шавьер (Joaquim José da Silva Xavier), по прозвищу Тирадентес (Tiradentes), боролся за независимость Бразилии от Португалии. Он жил в XVIII веке (1746–1792) в штате Минас Жерайс (Minas Gerais).

Изначально, Минас Жерайс был бразильским Клондайком. Там добывали золото, алмазы, желтые бразильские топазы и другие драгоценные камни. К концу XVIII века рудники штата были истощены, выработки упали в несколько раз, а Португалия по-прежнему требовала непомерные налоги. Только со штата Минас Жерайс взималось 1 500 кг золота в год. Население Бразилии росло, нужно было строить города, прокладывать дороги, требовались университеты и больницы, из-за огромных поборов на это не было средств.

В эту эпоху разрозненные переселенцы начали осознавать себя нацией, достойной государственной независимости. Вдохновленные победой Соединенных Штатов Америки, бразильцы стали мечтать о свободе. В 80-е годы XVIII века в Минас Жерайс появилось конспиративное движение «Инконфиденция» (inconfidência), готовившее революцию, целями которой были обретение государственной независимости Бразилии, провозглашение в стране республики и отмена рабства. Жоакин Жозе да Силва, офицер полиции штата, был одним из лидеров и вдохновителей освободительного движения. Он рано остался сиротой и до того, как стать военным, испробовал множество профессий: был искателем месторождений, проводником по лесным тропам, коммерсантом и зубным врачом. Прозвище «тирадентес» состоит из двух слов *tira dentes*, что буквально означает «вырви зубы».

К сожалению, «Инконфиденция» не успела приступить к осуществлению своих прогрессивных планов. В 1789 году сторонники движения были преданы одним из участников, полковником Жоакином Силверио дос Рейс, который донес о заговорщиках губернатору. Лидеры движения были схвачены и обвинены в измене королю. Судебный процесс длился 3 года. В тюрьме Тирадентес признал, что боролся против королевской власти, и продолжал отстаивать идею национального освобождения. Когда ему объявили смертный приговор, Тирадентес заявил, что если бы он имел тысячу жизни, то отдал бы их все за свободу отечества, не задумываясь. В 1792 году Тирадентес, единственный из заговорщиков, был казнен.

После провозглашения республики в Бразилии (1889 год) Тирадентес был признан национальным героем. День его казни 21 апреля в 1890 году был объявлен национальным праздником. В честь него город Сан Жозе дель Рей (São José del Rei), близ которого на fazende родился будущий герой, был переименован в Тирадентес. В этом городе штата Минас Жерайс в апреле перед праздником проходит неделя инконфиденции, посвященная Тирадентесу и борцам за свободу. В честь них проходит кавалькада – конный парад, где всадники одеты в костюмы той эпохи, гражданская церемония в память о Тирадентесе, концерт военного оркестра и других музыкальных коллективов.

В других городах Бразилии в этот день проходят концерты и музыкальные фестивали, которые открываются словами памяти о национальном герое.

Бразильцы – нация молодая и очень бережно относящаяся к своей истории. У них, в буквальном смысле, никто не забыт и ничто не забыто. Кто такой Тирадентес, вам расскажет любой мальчишка на улице, может, не слишком подробно, но внятно и толково. Даже если в школе он учится на одни «пятерки» (то есть ползет на «троечки» по-нашему). Высшая оценка

здесь – 10. Хоть мальчишка и прогуливает историю – про Тирадентеса он слышал по телевизору или от взрослых.

Герои гораздо меньшего масштаба получают свой уголок в народной памяти. Почти все улицы Салвадора названы в честь какого-нибудь деятеля. Улица священника Антонио Виейра (rua Padre Antonio Vieira), улица Алмиранти Барросу (Almirante Barroso), я живу на улице Элой Гимараес (Eloy Guimaraes). Кто такой Элой Гимараес никто не помнит. В Интернете я нашла информацию только о некоем Карлосе Элой Гимараес, который был депутатом Федерального собрания в 80-е годы прошлого века. Ничего особенного о его деятельности не написано. Если, конечно, это именно тот Элой Гимараес.

Исторические события любой давности привлекают много внимания и вызывают интерес. По ним проводят исследования, организуют семинары и дискуссии. На одном из таких семинаров я побывала. Подробнее о нем расскажу позже, в разделе «Лампиан – бандит или герой?». Сейчас скажу лишь то, что меня удивила серьезность и заинтересованность, с которой обсуждаются события 70-летней давности. О них говорили так, будто это произошло неделю назад. На организацию семинара были потрачены немалые деньги: арендован большой зал в Центральной библиотеке с кондиционерами, кинопроектором, компьютерами и микрофонами. В беседе принимали участие больше двадцати ученых – историки, культурологи, специалисты по разным видам искусства (кино, театр, литература). Зал был полон, некоторые посетители даже стояли. У нас в России вряд ли бы собрали столько самых разных людей для обсуждения событий 30-х годов прошлого века. Нам бы с настоящим как-нибудь определиться. У бразильцев тоже жизнь не без проблем. Несмотря на это, к ним ни в буквальном, ни в переносном смысле не применишь поговорку: Иван (то есть Жоао), родства не помнящий. Историческая память у них долгая и очень сильная.

Патриотизм vs идея

Вызывает большое уважение бразильский патриотизм: позитивный, спокойный и адекватный. Бразильцы любят свою культуру, помнят историю, восхищаются родной природой, гордятся размерами и мощью своего государства. Под любовь к Отечеству не подводится никакой теоретической базы, это что-то само собой разумеющееся. Никогда не слышала выражения «национальная идея» в речи какого-либо политика, не читала ничего похожего в газетах. Бразильцы любят свою страну так же естественно и просто, как свою семью, как солнечный свет, как щедрую землю, одаривающую плодами и богатого, и бедного.

Другие народы они не делят на «плохие» и «хорошие», не считают себя «лучше» или «хуже» других. Все разные и все достойны уважения. Бразилия – бесспорный лидер на континенте. Однако никому не приходит в голову принижать соседей – колумбийцев, аргентинцев, венесуэльцев. Правда, некоторые трения были с Аргентиной. Рассказывают, что когда-то аргентинский президент позволил себе неосторожное высказывание о том, что бразильцы играют в футбол, как макаки. Фраза, не предназначенная для чужих ушей, попала в СМИ, из-за чего чуть не случилась война. Слава Богу, здравый смысл одержал верх. Я знаю много аргентинцев, живущих в Салвадоре. Никто ни разу не обмолвился, что возникали какие-то проблемы из-за национальности. Аргентинцы устраиваются на работу, покупают недвижимость и чувствуют себя в Салвадоре вполне комфортно.

Я тоже никакого напряжения «по национальному признаку» не чувствовала. Бразильцы – очень гостеприимный и доброжелательный народ. Любопытство – да, было. Русского человека они первый раз видят (в Салвадоре нет русской диаспоры), о России почти ничего не знают. Местные СМИ события в нашей стране освещают очень мало. При упоминании России бразильцы чаще всего говорят о том, что там лучший в мире балет. Приятно, что возникает такая ассоциация, а не с водкой или перестройкой. Бывало, задавали неожиданные вопросы: «В России говорят по-английски?», «У вас правил диктатор Гитлер?», «Берлин находится в России?» и, наконец, перл, после которого я чуть не села, где стояла: «Как поживает ваш президент Уго Чавес?» Последний вопрос задал 20-летний мальчик, который до сих пор учится в школе. Наверное, для него мир делится на Бразилию и «Заграницу». Но мальчика из фавелы еще можно понять, есть школы, где учат не ахти. Гораздо более показателен вопрос: «Столица Бразилии – Буэнос-Айрес?», который задавали менеджеры российских туристических агентств на московской международной выставке. Мне об этом рассказала русскоговорящая представительница бразильского туроператора. Я не поверила: «Вы шутите?!» – «Нет, не шучу. Меня сегодня много раз об этом спрашивали», – серьезно ответила девушка. Вот такие «сусанины» в турбизнесе... А сколько наших соотечественников думают, что в Бразилии говорят по-испански? Немного мы знаем друг о друге.

Свою национальную символику бразильцы любят. Футболки и бейсболки с зеленым флагом носят просто так, а не потому, что играет сборная или происходит еще какое-то событие. На стенах домов – граффити, изображающие флаг. Подвески в виде миниатюрных флагов: желтые ромбики на зеленом фоне – на сережках и прочей бижутерии. Травянисто-зеленый и сочный желтый – цвета знамени, хорошо гармонируют с ярким солнечным светом, наполняющим улицы с раннего утра и сияющим до семи часов вечера.

Идеи появляются тогда, когда нужно кого-то в чем-то убеждать, кому-то что-то доказывать. Разве нужна человеку (я сейчас не говорю о маргиналах) какая-то идея для того, чтобы любить свою мать или своих детей? Так же и Отечество. Патриотизм и любовь к своей земле – просто данность.

Лампиан – бандит или герой?

«Эээ, вусэ э Лампиан...» (Эээ, ты – Лампиан) – поется в припеве одной из песен капоэйры. Однажды русский капоэйрист, приехавший тренироваться в Салвадор, спросил у меня: «Кто это – Лампиан?» Сложный вопрос. Однозначного ответа не сможет дать даже бразильский ученый – историк, написавший исследование по биографии этого человека. Российскому читателю Лампиан известен только благодаря упоминанию в романе Жоржи Амаду «Капитаны песка», где о нем говорится вскользь и в негативном ключе. Глубоко уважаемый мною корифей бразильской литературы Жоржи Амаду был современником Лампиана. Писатель жил в столице штата – Салвадоре. О деятельности Лампиана, чьим царством была бразильская «глубинка», Жоржи Амаду знал лишь из газет, которые писали о нем как о злейшем враге общества. Кто же такой Лампиан (Lampião)? Его ненавидели и горячо любили, им восхищались и перед ним трепетали от страха.

В XIX-м – первой половине XX веков в северо-восточных штатах Бразилии (Пернамбуку, Сеарá, Параиба, Алагоас, Баия, Сержипе, Рио Гранде ду Норте) существовали «вольные отряды» вооруженных людей, так называемые «кангасейрос» (cangaceiros). Банды кангасейрос жили в лесах, не признавали никакой власти, взимали дань с владельцев окрестных фазенд, время от времени становились наемниками в разборках богатых землевладельцев, хотя предпочитали не зависеть ни от кого. В большинстве, эти «вольные стрелки» – потерявшие свой земельный надел крестьяне или жертвы социальной несправедливости, которых вытеснить на «тропу войны» вынудило желание отомстить обидчикам. Нередко эти люди, несмотря на свой бандитский промысел, сохраняли в душах искры человечности. В истории остались имена бразильских «робин гудов». В частности, кангасейро Жезуино Брильянте во время жестокой засухи и неурожая атаковал поезда с продуктами и распределял добычу между жителями голодающих деревень.

В те времена обиженный деревенский люд шел искать защиты не у полиции (у которой чаще всего «руки не доходили» наводить порядок в отдаленных районах), а у кангасейрос. И они вершили справедливость так, как сами ее понимали. «Вольные стрелки» были единственным противовесом произволу крупных землевладельцев. Поэтому кангасейрос пользовались уважением и поддержкой у деревенской бедноты.

Самого известного кангасейро, получившего прозвище «генерал каатинги» (каатинга – засушливый бразильский лес, типичная экосистема удаленных от моря областей северо-восточных бразильских штатов), звали Виргулино Феррейра да Силва (VirgulinoFerreiradaSilva), но более известен он был как Лампиан (Lampião). Он родился в штате Пернамбуку, в семье фермера. В детские годы Виргулино между его отцом и богатым соседом – землевладельцем Жозе Сатурнино Педрейра разгорелся конфликт. Семья Феррейра потеряла землю, имущество и была изгнана из Пернамбуку.

Семейство нашло приют в соседнем штате Алагоас. Подросшие сыновья стали уезжать на заработки. Однажды, вернувшись домой, они застали жуткую картину – дом был разграблен, а их отец убит солдатами полиции штата по наущению прежних врагов. Это переполнило чашу терпения, и четверо братьев Феррейра посвятили свою жизнь мести. Они примкнули к отряду Синьо Перейра, где прошли боевую подготовку.

Когда Синьо покинул свой пост – отправился в южные штаты, чтобы начать мирную жизнь под чужим именем, новым полевым командиром стал Виргулино. Он оказался дьявольски умен, удачлив и бесстрашен. Виргулино был мастером военных хитростей, например, умел так запутать следы, что два отряда полиции, преследующие его группу, обстреливали друг друга, думая, что воюют с кангасейрос.

Прозвище Лампиан (что в переводе означат «фонарь») Виргулино получил за скорострельность. Во время ночного боя кто-то из соратников воскликнул: «Смотрите, ружье Виргулино сверкает, как фонарь!» Прозвище пришлось впору: Лампиан был неординарным человеком. Он, единственный из кангасейрос, осмелился обложить данью города и, если ему отказывали в требуемой сумме, захватывал город, после чего кангасейрос в нем прибирали к рукам все, что понравится. При этом награбленным щедро делились с бедняками, что впоследствии дало повод называть Лампиана стихийным социалистом.

Полицейские гарнизоны могли в 2–3 раза превышать число бандитов, но победа оказывалась на стороне нападавших. Например, город Капела (Capela) в штате Сержипе (Sergipe) Лампиан взял, имея в своем распоряжении всего лишь 10 бойцов! При этом Капела была отнюдь не маленьким, затерянным в глуши городком, а достаточно развитым по тем временам районным центром с железнодорожным сообщением и телефонной связью с другими городами. Лампиан виртуозно использовал свою славу – одной только вести, что его банда находится на подступах к городу, оказалось достаточно, чтобы деморализовать гарнизон. Войдя в Капелу, кангасейрос в первую очередь обрезали телефонную линию и заняли вокзал, отрезав город от связи с миром. Впрочем, это была их обычная тактика при захвате городов. На одном из стекол железнодорожного вокзала в Капеле до сих пор можно различить несколько слов и цифр, которые Лампиан нацарапал алмазом своего перстня в день нападения. Конечно, вокзал с того времени неоднократно обновлялся, но это стекло сохранили в память о прошлом.

Уходя от преследования полиции, Лампиан петлял по лесу до тех пор, пока не находил удобное для боя место, где устраивал засаду, из которой мало кто из противников выбирался живым. Правительство Бразилии, отчаявшись справиться с разбойником, приняло решение привлечь его на свою сторону. Лампиан и его компаньерос получили амнистию и были призваны в армию для борьбы с партизанским коммунистическим движением Луиса Карлоса Престеса.

Виргулино получил чин капитана, двое его помощников – лейтенантов. Это была неслыханная честь. Бывшие кангасейрос надели военную форму, вооружились самыми современными винтовками и отправились в действующую армию. К сожалению, до расположения войск они не дошли. Бразильские офицеры были до крайней степени возмущены известием, что в их среде появится сын деревенского работяги, бывший бандит – Лампиан! Шел 1926 год, между образованной элитой общества и классом сельских тружеников зияла огромная пропасть. Это были два разных мира. Посланец Лампиана, отправленный узнать, где располагаются войска, вернулся с известием о том, что офицеры единодушно заявили, что не признают его патент и встретят пулей, если он осмелится появиться. Выслушав это известие, Лампиан, чьи надежды на достойную жизнь на службе отечеству были разрушены, спокойно сказал: «Однако... гитара будет играть прежнюю мелодию».

Кангасейрос вернулись к своему старому промыслу. В целом Лампиан с товарищами хозяйничал в семи северо-восточных штатах Бразилии 20 лет, пока в 1938 году, сорокалетним, потерявшим здоровье, не попал в окружение в гроте Анжикос. Кто-то выдал полицейским тайное убежище. Преследователи сумели незаметно подтянуть пулеметы и на рассвете почти в упор расстреляли едва успевших проснуться кангасейрос.

Несмотря на свою трагически сложившуюся жизнь, Лампиан оставался истинным бразильцем по духу, то есть любил праздники, музыку и танцы. Танец шашаду (xaxado) был придуман в его отряде. Изначально танцевали, выстроившись друг за другом (так ходили кангасейрос по каатинге – след в след, чтобы было невозможно посчитать число людей в отряде). Рисунок танца был прост – два шаркающих шага (ша! ша!) одной и той же ногой на месте, похожие на движения лошади, и невысокий мах ногой в сторону, как бы заметая след на сухой и пыльной почве. Ритм отбивали ударами прикладов по земле. Иногда угрожающе крутили в руках ружье или большой кинжал (пуньял).

Танец войны изменился, когда в банде появились... женщины. Лампиан был влюблен в красивую деревенскую девушку по имени Мария. Какое-то время они встречались тайно, но вскоре Лампиан уже не мог больше появляться в тех краях, где жила Мария. Девушка решила на отчаянный поступок – ушла из дома, чтобы сопровождать любимого в его полной опасностей жизни. Мария, вошедшая в историю как Мария Бонита («бонита» в переводе с португальского означает «красивая»), была первой женщиной в отряде кангасейрос. Вслед за капитаном, его товарищи тоже обзавелись боевыми подругами. Теперь они устраивали настоящие балы в захваченных городах или на фазендах – с музыкой и танцами до утра. Эти балы в северо-восточных штатах Бразилии помнят до сих пор. Вспоминая бесстрашных мачо, бросающих вызов несправедливым социальным порядкам, шашаду танцуют на июньских праздниках. Теперь это парный танец. От прежнего шашаду остались только ритм и два быстрых шага с одной и той же ноги. Есть несколько фольклорных коллективов в штатах Параиба и Пернамбуко, специализирующихся на шашаду. В их исполнении шашаду – театральное действо, ряд танцевальных зарисовок из жизни кангасейрос.

Я была в Пернамбуко на фестивале танца шашаду, который проходил в бывшем родовом имении семьи Феррейра – на ситио (ферме) Пассаженъ дас Педрас (Passagem das Pedras – каменистая дорога). Там сохранился домик, где жили бабушка и дедушка Лампиана, мебель и предметы быта, относящиеся к той эпохе. Теперь ферма превращена в музей под открытым небом, где воссоздается обстановка начала XX века. Там живет пожилая пара, присматривающая за домиком, хранящим память о детстве Лампиана. У них есть хозяйство – овцы, козы, куры и осел. Животные пасутся на полях вокруг дома, так же, как это было в те времена, когда семья Феррейра жила там. Водопровода на ферме нет, баки с водой подвозят на машинах или в телеге на осле. Животные пьют из большого ручья, протекающего в овраге. Во времена детства Виргулино этот ручей был небольшой речкой, из которой люди брали воду. Теперь она обмелела, вода в ней илистая, мутная. Единственное благо цивилизации на ферме – электричество. Мобильной связи там нет.

Для фестиваля была построена временная сцена на площадке перед домом. Выступили несколько фольклорных групп. Самая известная из них – Кáбрас де Лампиáо (Cabras de Lampião) из города Серра Тальяда (Serra Talhada), ближайшего к ферме. Среди танцоров этого коллектива есть потомки кангасейрос. Хороши были также танцовщики из штата Параиба – они показали самое сложное по хореографии шоу. Соблюдая старинный рисунок танца, они делали множество вращений и перестроений под стремительную музыку, выполняли эффектные трюки с ружьями и кинжалами (конечно, бутафорскими). «Кангасейрос» были наряжены в яркие костюмы.

Известно, что разбойники любили красивую одежду, носили украшения из золота и драгоценных камней и шелковые шейные платки. Лампиан, например, был еще и законодателем мод в банде. Он изобрел головной убор кангасейрос – широкополую кожаную шляпу с заломленными спереди и сзади полями (наподобие треуголки Наполеона), расшитую металлическими бляхами, сверкавшими на солнце. Вообще, Лампиан был одаренным человеком не только в области ведения военных действий. Он играл на аккордеоне (музыке его научил отец), писал стихи и песни, в том числе посвященные любимой, хорошо рисовал, любил танцевать, участвовал в вакейжадах, был грамотен (по тем временам в бразильской деревне это была редкость), умел шить и делать обувь и сбрую из кожи. Несколько песен его авторства дошли до наших дней. Две самые известные из них – «Акóрда, Мария Бонита» (Acorda, Maria Bonita – проснись, Мария Бонита) и «Мульêр Рендêйра» (Mulher Rendeira – кружевница).

Прошло уже более 70 лет после тех событий, но и по сей день вокруг имени Лампиана не утихают споры. Есть люди, настаивающие на официальном присвоении ему звания национального героя. Существует проект возведения памятника Лампиану в городе Серра Тальяда.

Впрочем, эта идея вызывает также и немалое возмущение – дожили, бандиту памятник ставить!

Так кем же он был – жертвой трагического стечения обстоятельств, защитником бедных и угнетенных или удачливым разбойником, который в благодушном настроении мог щедро одарить бедняка, не побоявшегося обратиться за помощью? В Салвадоре я была на семинаре, посвященном истории кангасейрос, где вели дискуссию Эспедита Феррейра, дочь Лампиана и Марии Бонита, их внучка Вера и сын другого участника трагических событий – лейтенанта Жоао Безерра, командовавшего нападением в гроте Анжикос. Каждый излагал версию, существующую в их семье. Беседовали спокойно и вежливо, без взаимных упреков и обвинений. Сошлись на том, что убийца и убитые – жертвы обстоятельств, таков был исторический порядок в те времена, и каждый играл предписанную ему роль. То, что Лампиан был человеком противоречивым, – однозначно. Известен случай, когда он собственноручно расстрелял пленных солдат полиции; он же в городе Жуазейро ду Норте устроил аттракцион неслыханной щедрости – горстями бросал из окна в народ серебряные монеты, празднуя получение патента капитана. С именем Лампиана в бразильском фольклоре связано множество историй, реальных и выдуманных. Почти каждый житель Салвадора расскажет, что у него есть какие-нибудь родственники в провинции, бабушки и дедушки которых видели Лампиана, помогали ему, а то и участвовали в банде. По мотивам жизни Лампиана было снято несколько художественных фильмов, написано множество стихов и песен.

Дни независимости государства и штата

2 июля – День независимости штата Баия

Почему не государство, а штат отмечает свою независимость? От чего или от кого он не зависит? На первый взгляд, это так же странно, как если бы, скажем, Самарская область начала праздновать день своей независимости. Но всему есть свое объяснение.

Важность этого дня обусловлена историческими событиями начала XIX века. В конце 1807 года принц-регент Португалии Жоао Мария Жозе Франсиско Шавьер (и это только малая часть его имени), смертельно напуганный вторжением в свою страну Наполеона, вместе со своим двором спешно погрузился на корабли и отбыл в Бразилию. В январе 1808 года королевские корабли прибыли в бухту Салвадора. Здесь принц-регент подписал документ о том, что порты колонии открываются для торговли с дружественными нациями, в частности с Англией, которая тогда находилась в экономической изоляции от стран Европы, оккупированных Наполеоном. Задерживаться в бывшей столице принц не стал, через месяц отправился в Рио-де-Жанейро. Там он объявил о возникновении новой страны – Соединенного Королевства Португалии, Бразилии и Алгарвес (Algarves). Алгарвес – ближайшая к Африке область Португалии, пользовавшаяся некоторой автономией. В 1818 году принц Жоао был коронован и стал королем Доном Жоао VI. Ранее королевой Португалии, а затем и новой страны была его мать Дона Мария I, которая не правила по причине психического расстройства.

Король нового королевства был вполне доволен жизнью в Бразилии, но политические события призвали его обратно. После поражения Наполеона и освобождения стран Европы ситуация на континенте изменилась. В соседней с Португалией Испании в 1820 году начался мятеж против короля Фердинанда VII, завершившийся революцией. Восстание произошло и в Лиссабоне. В столице Португалии был сформирован Парламент, разработана Конституция страны, а король в это время находился за тридевять земель – за океаном! Дон Жоао VI был вынужден оставить привольную жизнь в Бразилии и спешно вернуться на родину. Регентом в колонии он сделал своего сына, принца Педро де Алкантара Франсиско Антонио Жоао Карлос Шавьер де Паула Мигель (слишком долго перечислять все его имена и фамилии).

Спустя 2 года принц Педро объявил государственную независимость Бразилии. Случилось это так: принц путешествовал по центральным областям страны. 7 сентября 1822 года, когда он был в пути из Сантоса в Сан-Паулу, ему были доставлены письма. В одном из них содержался приказ короля немедленно вернуться в Португалию, и угроза, что в случае отказа Португалия начнет военные действия против Бразилии. Король и ранее требовал от сына возвращения на родину. По мнению Его Величества, принц стал чересчур либеральным правителем – он снизил налоги и, более того, собрал Учредительную и Законодательную Ассамблею для выработки Конституции Бразилии! Теперь непокорному сыну был предъявлен ультиматум. Прочитав письмо, бразильский регент воскликнул: «Независимость или смерть!» Этот лозунг вошел в историю Бразилии. Маленькая речка Ипиранга, на берегах которой прозвучал знаменитый возглас, стала символом начала новой эпохи в истории страны. Принц спешно вернулся в Рио-де-Жанейро, где был коронован как Дон Педро I, Император Бразилии.

Не все люди, проживавшие на территории страны, признали себя гражданами новой империи. В штате Баия ситуация была особенно сложной. В Салвадоре стояли войска португальской армии под командованием военного губернатора Инасио Луис Мадейра де Мело. Местные владельцы фазенд, представители финансовой и интеллектуальной элиты были ярыми сторонниками независимости. Весь 1822 год в городе шли волнения, переходящие в

вооруженные схватки между сепаратистами и их противниками, поддерживающими власть метрополии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.